

ГРАЖДАНИНЪ

ГАЗЕТА–ЖУРНАЛЬ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Журналь „Гражданинъ” выходитъ по понедѣльникамъ.

Редакція (Невскій проспектъ, 77, кв. № 8) открыта для личныхъ объясненій отъ 2 до 4 ч. дня ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ.

Рукописи доставляются исключительно въ редакцію; непринятая статья возвращается только по личному требованію и сохраняется три мѣсяца; принятыя, въ случаѣ необходимости, подлежатъ сокращенію.

Подписка принимается: въ С.–Петербургѣ, въ главной конторѣ „Гражданина” при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Бабунова; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева; въ Кіевѣ, въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго; въ Одессѣ у Мосягина и К⁰. Иногородные адресуютъ: въ Редакцію „Гражданина”, въ С.–Петербургѣ.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

За годъ, безъ доставки . . 7 р. съ доставкой и
пересылк. 8 р.

„ полгода „ „ .. 4 „ „ „
 5 „
 „ треть года. „ „ .. 3 „ „ „
 4 „

(На другіе сроки подписка не принимается. Служащіе пользуются разсрочкою чрезъ гг казначеевъ).

Отдѣльные №№ продаются по 20 коп.

ГОДЪ Редакція: С.–Петербургъ, Невскій
 пр. 77. ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНІЕ: Радостныя извѣстія о
 выздоровленіи Государя Наслѣдника. —
 Внутреннее обозрѣніе за 1872 годъ. —
 Иностранное обозрѣніе за истекшій годъ. — О
 государственной росписи. — Дневникъ писателя.
 Ф. Достоевскій. — Одинъ изъ нашихъ
 Бисмарковъ. Часть III и послѣдняя. Глава I. —
 Стихотвореніе: Ночь въ Монплеzirъ. Б. —
 Библиографія: «Алексѣй Слободинъ». «Міръ какъ
 цѣлое». Н. Страхова. «Азбука». Графа Толстаго.
 «Десять лѣтъ реформъ». «Религіи древняго міра,
 въ ихъ отношеніи къ христіанству».
 Арх. Хрисанфа. — Пенсіонное положеніе у насъ и
 за границую. 1. Желаніе.

РАДОСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ О ВЫЗДОРОВЛЕНІИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА**Государя Наслѣдника Цесаревича.***25-го декабря, 11¹/₄ часовъ утра.*

Его Высочество провелъ ночь хорошо; подь утро былъ обильный потъ; лихорадочное состояніе значительно уменьшилось; силы весьма удовлетворительны.

25-го декабря, 8¹/₄ часовъ вечера.

Къ вечеру лихорадочное состояніе увеличилось меньше вчерашняго; день Его Высочество провелъ очень удовлетворительно.

*Докторъ Гиришъ.**Докторъ Боткинъ.**26-го декабря, 11 часовъ утра.*

Его Высочество сегодня утромъ почти безъ лихорадки; ночью спалъ хорошо, подь утро сильно потѣлъ; силы удовлетворительны.

26-го декабря, 8¹/₄ часовъ вечера.

Лихорадочное состояніе хотя къ вечеру немного увеличилось, но не больше вчерашняго вечера. День прошелъ очень удовлетворительно.

*Докторъ Гиришъ.**Докторъ Боткинъ.**27-го декабря, 11¹/₄ часовъ утра.*

Его Высочество ночью спалъ около 9 часовъ времени очень спокойно; лихорадочное состояніе весьма незначительно, температура тѣла не превышаетъ $37\frac{7}{10}$, пульсъ 80. Подь утро Его

Высочество опять потѣлъ; силы начинаютъ увеличиваться.

27-го декабря, 8¹/₄ часовъ вечера.

Его Высочество день провелъ хорошо, спалъ, потѣлъ очень умѣренно. Къ вечеру лихорадочное состояніе немного увеличилось.

Докторъ Гиришъ.

Докторъ Боткинъ.

28-го декабря, 11¹/₄ часовъ утра.

Его Высочество всю ночь спалъ очень хорошо; температура тѣла $37^2/_{10}$, пульсъ 82. Общее состояніе весьма удовлетворительно.

28-го декабря, вечеромъ.

Температура тѣла незначительно выше нормальной: $37^7/_{10}$; пульсъ 80. Его Высочество чувствуетъ себя бодрѣе обыкновеннаго.

Докторъ Гиришъ.

Докторъ Боткинъ.

29-го декабря, 11¹/₄ часовъ утра.

Ночью Его Высочество спалъ какъ здоровый. Лихорадочнаго состоянія совершенно нѣтъ; температура тѣла нѣсколько ниже нормальной ($36^9/_{10}$) пульсъ 72. Является аппетитъ.

Докторъ Гиришъ.

Докторъ Боткинъ.

30-го декабря, 11¹/₄ часовъ утра.

Его Высочество провелъ ночь очень хорошо, лихорадочнаго состоянія ни утромъ ни вечеромъ

не было; аппетитъ нѣсколько увеличивается, силъ больше.

*Докторъ Гиришъ.
Докторъ Боткинъ.*

31-го декабря, 11¹/₄ часовъ утра.

Аппетит и силы увеличиваются; сонъ вполне хорошій; вчера Его Высочество въ продолженіи двухъ часовъ сидѣлъ въ креслѣ безъ особой усталости.

*Докторъ Гиришъ.
Докторъ Боткинъ.*

Начиная годъ и указывая выше на бюллетени, мы прежде всего поблагодаримъ Бога за то, что *нашъ русскій* годъ старый завершился, а новый начинается — выздоровленіемъ Наслѣдника Цесаревича.

Радость всеобщая и серьезная. Проявленіе къ Августѣйшему Больному живаго и горячаго участія во всѣхъ слояхъ общества, и повсюду на Руси, внѣ и независимо отъ всякихъ официальныхъ проявленій, носило печать чего-то глубоко сердечнаго. Съ тоскою на сердцѣ, каждый спрашивалъ у другого извѣстій объ этой болѣзни и съ упованіемъ въ душѣ, каждый

молился Богу про себя, въ своей семьѣ, передъ своею иконой, передъ своею лампадой!

Въ Москвѣ извѣстіе о болѣзни Наслѣдника Престола поразило всѣхъ своею неожиданностью и своею серьезностью. Но что же оно произвело?

Приводимъ здѣсь выписки изъ полученнаго нами изъ Москвы письма, отъ 15 декабря:

„Москва печальна. Ей больно отъ мысли, что Цесаревичъ, ей дорогой, боленъ; ей грустно при мысли, какъ тяжело должно быть на сердцѣ Цесаревны. Но Москва радуется и печалится по своему. Въ ней много живетъ того русскаго народа, который не умѣетъ писать адреса и краснорѣчиво выражать свои чувства. Я видѣлъ этотъ народъ не дальше какъ сегодня. Пошелъ я къ Иверской. Прихожу, помолился, и пробылъ тамъ съ четверть часа. Право, вышелъ оттуда съ какимъ-то теплымъ и свѣтлымъ чувствомъ и сказалъ себѣ: счастливы тѣ, которыхъ такъ умѣетъ любить нашъ народъ. Въ эти четверть часа вотъ что я видѣлъ. Стоитъ священникъ и служитъ молебенъ, слушаю, молятся о здравіи раба Божія Александра, а вездѣ кругомъ стоятъ на колѣняхъ; прислушиваясь къ звукамъ молитвы, люди всѣхъ сословій повторяютъ молитвы и повторяютъ тоже имя. А пока молебенъ идетъ, то и дѣло что подѣзжаютъ и подходятъ люди, и служкѣ отдаютъ записки: „за

кого?" спрашиваетъ служка; „за здравіе раба Божія Александра“, и этотъ вопросъ, и этотъ отвѣтъ прослушалъ я 27 разъ; и взглянулъ я на записки: иная, Боже, какъ безграмотно написана! А молятся эти безграмотные, право, не хуже грамотныхъ. Вотъ что я видѣлъ, и не удивляйтесь тому, что, увидѣвъ это, я почувствовалъ, какъ слеза подступила къ глазамъ. Такова наша Москва. Если можете, скажите мнѣ чтонибудь по-подробнѣе о болѣзни Цесаревича. Не повѣрите какъ мы нуждаемся въ этомъ сердцемъ. А за то что сказали — спасибо”.

Пріятно подумать, что также проста, тепла и искрення будетъ радость о выздоровленіи Августѣйшаго Больнаго, какъ была проста, тепла и искренна скорбь о Его болѣзни.

Зная, какъ всякая подробность объ этомъ событіи для читателей интересна, мы старались изъ вѣрныхъ источниковъ собрать свѣдѣнія о ходѣ этой болѣзни, поразившей своею неожиданностью.

Въ первоначальномъ бюллетенѣ было сказано, что Его Высочество заболѣлъ 7 ноября. Бюллетени же начали появляться только мѣсяць спустя, то есть 7 декабря. Мы слышали, что въ этотъ длинный промежутокъ времени болѣзнь была такъ своенравна и скрытна, что дать ея проявленіямъ какое либо опредѣленное

названіе было болѣе чѣмъ затруднительно. Прежде всего, она стала проявляться въ видѣ головныхъ болей и лихорадки въ извѣстную пору дня; затѣмъ эта періодичность прекратилась, при помощи лекарствъ, такъ что Его Высочество чувствовалъ себя въ силахъ два раза выѣхать; и прежде этого, и послѣ этого не переставалъ заниматься дѣлами и продолжалъ быть на ногахъ; но эти выѣзды, и послѣдній въ особенности — 23 ноября, какъ будто вынудили болѣзнь, дотолѣ маскированную, проявиться опредѣленно, и уже 27 ноября, когда приглашенъ былъ профессоръ Боткинъ, — онъ и постоянный докторъ Его Высочества, г. Гиршъ, признали въ проявленіяхъ болѣзни возвратную горячку, которая вслѣдъ затѣмъ усложнилась первыми признаками брюшнаго тифа.

Ихъ Величества, какъ мы слышали, посѣщаютъ Августѣйшаго Больнаго ежедневно. Съ утра до вечера толпа приходившихъ списывать бюллетени наполняла переднюю Аничкова дворца. Ежеминутный же уходъ за Августѣйшимъ Больнымъ и днемъ и ночью, всецѣло и нераздѣльно, съ неисчерпаемымъ величіемъ и спокойствіемъ духа приняла на себя Государыня Цесаревна. Она — внутри жилища Его и русская молитва извнѣ — были хранительницами Августѣйшаго Больнаго.

1872 ГОДЪ.

Россія прожила еще одинъ годъ — одну тысяча десятую долю исторической жизни своей; оглянемся на пережитое.

Мы начали годъ и кончили мирно и никакія опасности отъ сосѣдей намъ не грозили. Политика мира составляетъ главное желаніе нашего нынѣшняго царствованія, — и для большаго еще обезпеченія мира, какъ выразился 13 августа Его Величество Государь Императоръ, въ Новочеркасскѣ, онъ предпринималъ поѣздку за границу. На азіатской нашей окраинѣ, можетъ быть, и думаютъ употребить нѣсколько немирныя средства противъ Хивы, но съ единственною, конечно, цѣлью принудить хивинскаго повелителя къ такимъ же мирнымъ отношеніямъ, въ какія удалось Россіи вступить съ эмиромъ Бухары и ханомъ Кокана въ 1868 г. и правителемъ Джиты Шара въ 1872.

Среди мира продолжала и въ нынѣшнемъ году Россія совершенствоваться, ожидая реформъ крупныхъ — податной и военной, испытывая частныя улучшенія и измѣненія, болѣе или менѣе значительныя, — и встрѣчая факты отрадныя и печальныя съ одинаковыми надеждами на

будущее и съ возрастающимъ сознаниемъ многихъ обязанностей.

Самымъ крупнымъ фактомъ истекшаго года, конечно, слѣдуетъ почесть благопріятную государственную роспись. Первый разъ послѣ цѣлаго ряда лѣтъ мы не имѣли въ нашемъ бюджетѣ превышенія расходовъ надъ приходами и даже имѣли нѣкоторый избытокъ. Въ то время, какъ доходовъ на 1872 годъ было исчислено 497.197,802 р., расходы предполагались только въ 496.813,581 руб. и слѣдовательно, — избытокъ доходовъ могъ составить 384,221 р. Весьма вѣроятно, что избытокъ будетъ еще значительнѣе по дѣйствительному поступленію, которое, по наблюденіямъ государственнаго контроля за послѣдніе годы, вообще превышаетъ первоначальныя предположенія. Желательно также, чтобы результатъ столь благопріятный не былъ нарушенъ и расширеніемъ кредитовъ сверхсмѣтныхъ. Не разбираемъ насколько роспись благопріятнѣе отъ улучшенія въ порядкѣ ея составленія. Охотно признаемъ, что министръ финансовъ, успѣвшій къ десятому году своего управленія уничтожить хроническую язву русскихъ бюджетовъ, заслужилъ тѣ одиннадцать стипендій, которыя во имя его учреждены петербургскимъ и московскимъ купечествомъ. Но печаленъ въ росписи тотъ фактъ, что главное

увеличеніе дохода представляетъ налогъ съ цитей на цѣлые $12\frac{1}{2}$ милліоновъ, и министръ при этомъ еще засвидѣтельствовалъ, что питейный доходъ возрастаетъ постоянно и особенно усилился въ послѣдніе два года. Отъ возрастанія подобной доходной статьи въ Англіи приходитъ въ безпокойство все общество; позволительно и въ Россіи пожелать, чтобы вмѣстѣ съ доходомъ, составившимъ почти $\frac{1}{3}$ русскаго бюджета, возрастало однакоже и общенародное благосостояніе. Мы не сомнѣваемся, что это же убѣжденіе присуще болѣе всѣхъ и самому министру финансовъ, которымъ, по его собственнымъ словамъ, предстоитъ укрѣпляться на твердомъ основаніи при возрастающемъ общемъ благосостояніи и соотвѣтственномъ усиленіи всѣхъ отраслей доходовъ. Возрастаетъ—ли дѣйствительно благосостояніе, усиливается—ли способность народа — быть источникомъ государственныхъ доходовъ — вотъ вопросъ, и слѣдующіе факты изъ жизни истекшаго года отчасти могутъ на него отвѣтить.

Число поземельныхъ собственниковъ и владѣльцевъ въ Россіи продолжало увеличиваться. Относительно бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ данныя по выкупной операціи по 1-е декабря показываютъ, что въ главномъ выкупномъ учрежденіи изъ

поступившихъ, съ открытія его дѣйствій въ 1861 г., 79,102 выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ, утверждено 75,836, — крестьянъ приступило къ выкупу 6.811,209 душъ, по утвержденнымъ выкупнымъ сдѣлкамъ и актамъ земли значится 23.921,232 десят. 861 саж., по которымъ выкупная ссуда составила 626.227,463 р. 40 к. По 63,989 утвержденнымъ выкупнымъ сдѣлкамъ душевой участокъ, около $3\frac{1}{2}$ десятинь, среднимъ числомъ стоитъ 106 р. 36 к.; по 21.847 утвержд. выкуп. актамъ душевой участокъ около $3\frac{2}{3}$ десят. стоитъ 64 руб. 71 коп. Такимъ образомъ съ 1 января 1872 г. по 1 декабря прибыло 211 тысячъ крестьянъ, владѣющихъ по выкупу землею въ количествѣ 842,686 десятинь.

Относительно бывшихъ государственныхъ крестьянъ послѣднія данныя за 1872 годъ показываютъ, что изъ 36 губерній, на которыя простирается дѣйствіе указа 24 ноября 1866 года, въ теченіи 1872 года до 1 октября выданы еще владѣнныя записи по 13,509 селеніямъ, въ которыхъ состоитъ 2.418,502 души съ надѣломъ въ 14.909,659 десятинь. Затѣмъ въ губерніяхъ, гдѣ были колонисты, выдано уже послѣднимъ владѣнныхъ записей по 248 селеніямъ, имѣющимъ 134,739 душъ съ поземельною собственностью въ 1.291.982 десятины.

Для селенія на казенныхъ земляхъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ, въ мѣстахъ ихъ родины, въ прошломъ году отведено правительствомъ въ 19 губерніяхъ 23,325 десятинь, а съ предназначенными прежде въ губерніяхъ Екатеринославской, Оренбургской, Самарской, Харьковской и Херсонской, количество земли для владѣльцевъ изъ нижнихъ чиновъ составляетъ всего 219,225 десятинь.

Съ 1868 правительство отводитъ казенныя же земли, съ правомъ выкупа, отставнымъ чиновникамъ и офицерамъ и уже роздало такимъ 52 участка. Въ истекшемъ году образовано для той же цѣли еще 23 участка, въ 2,167 десятинь.

Къ этому еще можно присоединить, на основаніи послѣднихъ имѣющихся свѣдѣній, что въ Западномъ краѣ продано, въ силу извѣстныхъ правилъ 1865 и 1867 годовъ, лицамъ русскаго происхожденія 16 участковъ, пространствомъ въ 5,835 десятинь, такъ что вообще съ 1867 года продано на этомъ основаніи 673 участка земли и 5 домовъ, пространствомъ въ 281,399 десятинь. Продажа земель въ Западномъ краѣ имѣетъ, правда, преимущественно политическое значеніе; но мы не сомнѣваемся упомянуть о ней какъ о признакѣ благосостоянія, именно потому, что приложеніе личной энергіи къ возникшей вновь частной собственности несомнѣнно должно

отразиться и на общемъ благосостояніи, — и кромѣ того, съ уменьшеніемъ элементовъ политической смуты возрастаетъ общее спокойствіе, необходимое для прочности всѣхъ гражданскихъ оборотовъ.

Такимъ образомъ, количество поземельной собственности въ прошломъ году возрасло, и можно пожелать, чтобы необходимыя для этого мѣропріятія правительства совершались съ необходимою быстротою, еще большею полнотою и носили явные признаки строгой, стройной и послѣдовательной системы внутренней политики.

Частная промышленность за прошлый годъ, если судить по весьма значительному числу (до 80) возникшихъ торговопромышленныхъ обществъ, возрастаетъ и расширяется съ неумолимою энергіею. Между разрѣшенными въ прошломъ году обществами видимъ предпріятія для разнообразныхъ цѣлей: для постройки дорогъ, домовъ и гостинницъ, снабженія водой и газомъ выдѣлки вина, пива и сахару, приговленія минеральныхъ водъ, добыванія каменнаго угля и желѣза, выплавки чугуна, изготовленія рельсовъ и вообще снабженія желѣзныхъ дорогъ принадлежностями и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ простираютъ свои виды на цѣлые округи Россіи, на примѣръ общество южно-русской

каменноугольной промышленности или каменноугольной промышленности московскаго бассейна. На одной изъ отраслей русской промышленности — свеклосахарной, имѣвшей къ 1872 году не менѣе 271 заводо́въ съ производствомъ сахара до 11 милліоновъ пудовъ, въ особенности выразилось успѣшное приложеніе частной энергіи. Уже съ 1868 года наши заводчики стали принимать мѣры къ вывозу нашего сахара за границу и прошлый годъ правительство сочло удобнымъ моментомъ для того, чтобы нашъ сахаръ обложить нѣсколько высшимъ акцизомъ, а съ привознаго нѣсколько сбавить таможенныя пошлины. Если осторожность и постепенность въ осуществленіи этой мѣры не помѣшаютъ большому распространенію сахара въ народѣ, — это докажетъ рациональность самой мѣры; въ противномъ же случаѣ надо будетъ пожалѣть, что сахарные заводчики употребили свои старанія на то, чтобы значительно стѣснить первоначальные виды министерства по этому важному вопросу народнаго и государственнаго хозяйства.

Для того же, чтобы движеніе частной промышленности чрезъ соединеніе силъ и капиталовъ было сколь возможно болѣе облегчено, въ прошломъ году выработанъ проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ

обществахъ. Онъ основанъ на пересмотрѣ всѣхъ дѣйствующихъ по этому предмету узаконеній, съ тѣмъ, чтобы, за нѣкоторыми опредѣленными изъятіями, отмѣнить требованіе особаго правительственнаго разрѣшенія для каждой акціонерной компаніи, какъ было доселѣ. вмѣсто этого порядка, одинаково неудобнаго для администраціи и отяготительнаго для промышленности, предполагается ввести простую регистрацію возникающихъ новыхъ компаній въ списки явочнаго отдѣла, учреждаемаго при министерствѣ финансовъ. Въ этомъ предположеніи, равно какъ и во всемъ обнародованномъ правительственномъ проектѣ, можно только сочувствовать стремленію даровать съ одной стороны облегченіе промышленности, съ другой узаконить необходимыя гарантіи противъ преднамѣренной эксплуатаціи довѣрчивыхъ акціонеровъ недобросовѣстными учредителями компаній и стремящимися къ безотвѣтственности компанейскими управленіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу того же принципа, слѣдуетъ въ окончательной редакціи закона, какъ и было уже замѣчено, устранить до конца всякое несовременное регламентированіе частныхъ отношеній общими правилами, излишними для обезпеченія чьихъ бы

то ни было дѣйствительныхъ интересовъ или создающими только мнимыя гарантіи.

Можно представить себѣ, какая масса капиталовъ и какая сила кредита потребна странѣ для осуществленія множества новыхъ предпріятій, для поддержки существующихъ, для оживленія промысловъ и оплодотворенія земледѣлія, и при такой потребности въ деньгахъ и кредитѣ слѣдуетъ только желать, чтобы развитіе банковъ въ Россіи не останавливалось ни по винѣ спекуляціи, ни по винѣ излишней регламентаціи. Къ 1872 году дѣйствовало въ Россіи 27 акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, 23 общества взаимнаго кредита и 12 городскихъ кредитныхъ обществъ и поземельныхъ банковъ. Въ истекшемъ году прибавились между прочимъ поземельные банки: полтавскій, тульскій, кіевскій, самарскій, нижегородскій, ярославско-костромской, московскій и виленскій, изъ которыхъ въ особенности послѣдніе два имѣютъ обширный районъ своихъ дѣйствій; — изъ коммерческихъ банковъ упомянемъ либавскій, орловскій и нѣсколько другихъ. Изъ городскихъ общественныхъ банковъ, числомъ болѣе 220, о 190 извѣстно, что основной ихъ капиталъ составлялъ 9.575,539 р., а запасной 1.676,371; сумма оборотовъ по приходу и расходу равнялась 317.796,537; вкладовъ принято на

32.413,875 р.; — ссудъ выдано подъ залоги процентныхъ бумагъ, товаровъ, вещей и недвижимыхъ имуществъ на 25.715,726; учтено векселей на 87.388,395 р. Изъ этихъ банковъ о 180 мы знаемъ, что прибыли ихъ составляли 6.511,719 рублей, изъ которыхъ къ прошлому году отчислено въ доходъ городовъ и на благотворительные расходы не менѣе 830,861 рубля. Столько же вниманія заслуживаетъ усиливающееся развитіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ, число которыхъ, по послѣднимъ имѣющимся свѣдѣніямъ, къ началу прошлаго года равнялось 66, а къ половинѣ — 72. Это дѣло, преимущественно благопріятствующее мелкому крестьянскому кредиту, возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе въ большинствѣ земствъ, оказавшихъ ему значительную нравственную и денежную поддержку (до 400,000 рублей); изъ нихъ, на примѣръ, одно московское предположило назначить на устройство ссудо-сберегательныхъ товариществъ 200,000 р. Изъ дѣйствій правительства относительно банковаго кредита за прошлый годъ слѣдуетъ упомянуть о законѣ 31 мая. Его 1-мъ параграфомъ учрежденіе вновь акціонерныхъ банковъ въ столицахъ и тѣхъ городахъ, гдѣ существуетъ хотя одинъ изъ нихъ, пріостановлено, впредь до особаго разрѣшенія.

Для остальныхъ указаны предѣльныя нормы основнаго капитала, — ограниченъ предѣлъ и срокъ бланковаго кредита за счетъ кліентовъ банка, — учетъ соло-векселей запрещень вовсе, — запрещено также приобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ, кромѣ необходимыхъ для собственнаго помѣщенія, воспрещено отчисленіе премій изъ прибылей банковъ на учредительскіе паи и акціи, — членамъ одного общества взаимнаго кредита запрещено быть въ другомъ, и т. д. Кромѣ того, министру финансовъ предоставлено собрать свѣдѣнія о положеніи и дѣятельности частныхъ и земскихъ кредитныхъ установленій и представить государственному совѣту соображенія объ основаніяхъ и порядкѣ учрежденія ихъ на будущее время. Для содѣйствія же правительству въ обсужденіи предметовъ торговли и промышленности, предназначены: совѣтъ торговли и мануфактуръ въ Петербургѣ съ отдѣленіемъ его въ Москвѣ, а по городамъ выборные комитеты торговли и мануфактуръ, учреждаемые по желанію или всего городского общества, или одного купческаго. По закону 7 іюня, члены тѣхъ и другихъ учрежденій проходятъ свои обязанности въ теченіи 4-хъ лѣтъ, и чрезъ каждые два года выбываютъ на половину. Между обязанностями городскихъ комитетовъ указано, между прочимъ,

обсужденіе по собственному почину вопросовъ о мѣстной торговлѣ и промышленности и представленіе въ министерство финансовъ предложеній по нимъ большинства и меньшинства членовъ. Теперь характеръ этихъ учрежденій чисто совѣщательный, — но, по существу дѣла, современемъ окажется необходимымъ дать имъ и большую самостоятельность.

Необходимое для процвѣтанія торговли и промышленности благоустройство путей сообщенія и удобство сношеній въ истекшемъ году сдѣлало замѣтные успѣхи. Во первыхъ, наше почтовое управленіе съ большею энергіею и знаніемъ дѣла стало удовлетворять своей задачѣ. Съ 1-го января прошлаго года вступили въ дѣйствіе новыя временныя правила по почтовой части. Нововведенія, ими допущенныя, въ видѣ бланковыхъ писемъ, заказныхъ, новыхъ таксъ и т. под., болѣе или менѣе извѣстны, — слѣдуетъ лишь отмѣтить, что и эти правила въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ замѣнены лучшими, на примѣръ относительно таксы на пересылку книгъ и нѣкоторыя другія. Для сношенія съ государствами иностранными заключенъ цѣлый рядъ почтовыхъ конвенцій: съ Даніею, Бельгіею, Нидерландами, Пруссіею; число мѣстъ внутренней корреспонденціи, пользующихся

срочными почтовыми сношениями 4 раза въ недѣлю, увеличилось въ 1872 году до 252, пользующихся ежедневно — до 260. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ чисто коммерческомъ отношеній, почтовое управленіе имѣло случай испытать несомнѣнныя преимущества новой системы предъ прежнею, ибо сборы почтовой операциі постоянно возрастаютъ. Но еще важнѣе самое возрастаніе частныхъ сношеній, при посредствѣ услугъ почты, какъ это видно изъ того что было отправлено въ первое полугодіе 1871 года писемъ и т. под. 13.908,614, денежныхъ пакетовъ 1.668,559, на сумму 339 милл. рублей; а въ первое полугодіе 1872 года писемъ — 16.873,245, денежныхъ пакетовъ 1.979,034, на сумму 411 милл. рублей. И при всемъ томъ, многое множество остается еще сдѣлать почтовому вѣдомству въ томъ же направленіи, особенно въ связи съ мѣстными земствами.

Протяженіе нашихъ желѣзныхъ путей въ истекшемъ году возрасло на 286 верстъ, такъ что все протяженіе открытыхъ желѣзныхъ дорогъ составляло 13,449 верстъ, затѣмъ разрѣшены были еще къ постройкѣ шесть новыхъ путей, протяженіемъ въ 1,455 верстъ, — въ числѣ которыхъ наиболѣе значительна дорога ряжско-вяземская (въ 4-хъ участкахъ). Желѣзно-дорожные строители не рѣдко входили въ

столкновенія съ частными лицами, по отчужденію подъ дороги ихъ имуществъ, и вслѣдствіи этого, весною прошлаго года, нѣкоторыя мировыя установленія на законномъ основаніи обвинили общества желѣзныхъ дорогъ въ самовольномъ захватѣ собственности частныхъ лицъ. Въ виду этого, въ прошломъ маѣ, до разсмотрѣнія вопроса въ законодательномъ порядкѣ, Высочайше утверждены временныя правила по отчужденію частныхъ имуществъ подъ желѣзныя дороги. Съ тою же цѣлю — дальнѣйшаго распространенія желѣзно-дорожной сѣти, 27 марта предоставлено министру финансовъ выпустить облигацій на 15 милл. фунт. стерл., съ погашеніемъ по тиражу въ 81 годъ. Не знаемъ, равнялось ли число желѣзно-дорожныхъ несчастій въ прошломъ году количеству ихъ въ 1871, когда на 612 пострадавшихъ, 239 было смертныхъ случаевъ; затруднительно также представить статистику несчастій на водяныхъ сообщеніяхъ, хотя въ прошломъ году и приняты мѣры къ ихъ своевременному обнародованію. Но слѣдуетъ замѣтить выраженіе Высочайшаго указа 7 сентября, что случаи умышеннаго и неумышеннаго поврежденія желѣзныхъ путей, порчею рельсовъ и накладываніемъ на нихъ постороннихъ предметовъ, не только не уменьшаются, но постоянно и значительно

увеличиваются. Въ виду этого, повелѣно вывести немедленно изъ очереди всѣ слѣдственныя и судебныя производства по указаннымъ преступленіямъ, — усилить личные составы желѣзно-дорожныхъ сторожей и, независимо отъ того, представить соображенія объ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ, необходимыхъ для немедленнаго прекращенія замѣченнаго зла. Но слѣдуетъ принять также мѣры къ охраненію и самыхъ имуществъ, ввѣряемыхъ желѣзнымъ дорогамъ, въ виду многихъ и частыхъ жалобъ на случающіяся утраты. О прочихъ путяхъ сообщенія благовременно пожелать, чтобы сдѣлались, сколь возможно болѣе общими факты, подобныя утвержденной въ истекшемъ году передачѣ тульскому земству въ хозяйственное завѣдываніе мѣстныхъ шоссейныхъ дорогъ, — и чтобы въ этомъ случаѣ содѣйствіе земствъ и частныхъ лицъ было оцѣниваемо въ надлежащей степени. Въ этомъ отношеніи, справедливо повторить выраженіе рязанской губернской земской управы, что только при содѣйствіи со стороны частныхъ лицъ возможенъ надзоръ за состояніемъ дорогъ въ губерніи, и что вся сила земства лежитъ въ единеніи между его представителями и самими жителями губерніи, которые всѣ равно суть плательщики на общія

потребности, а потому и заинтересованы въ правильномъ употребленіи вносимыхъ ими сборовъ.

И такъ, въ истекшемъ году благосостояніе возрасло на сколько усилилась земледѣльческая собственность, развились промышленность и кредитъ, улучшились и умножились пути сообщенія; но кто высчитаетъ, въ какой мѣрѣ препятствіями благосостоянію послужили продолжающееся доселѣ несеніе главнѣйшихъ государственныхъ повинностей однимъ крестьянскимъ сословіемъ, а также поражающія населенія несчастія: пожары, болѣзни и пьянство.

Относительно облегченія крестьянамъ прямыхъ налоговъ можно отмѣтить изъ прошлаго года двѣ мѣры. Первая, отрицательнаго характера, состоитъ въ томъ, что назначень былъ срокъ 15 іюля для окончательнаго опредѣленія того, какое имущество, по мѣстнымъ условіямъ, должно быть признаваемо за необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и которое, слѣдовательно, не должно подлежать продажѣ на уплату податей и сборовъ, выкупныхъ платежей, оброковъ и т. п. Другая мѣра, болѣе положительная, составляетъ уже нѣкоторый переходъ къ всесословному несенію податныхъ тягостей. Закономъ 2-го мая, о смѣтахъ и раскладкахъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе

съ 1872 года, изъ общей годовой суммы государственнаго земскаго сбора въ 25,275,206 рублей, часть его въ 8,112,052 рубля отнесена на удобныя земли, принадлежащія крестьянамъ и другимъ владѣльцамъ. Такимъ образомъ въ наступившемъ трехлѣтїи къ сбору на государственныя повинности, шедшему до сихъ поръ исключительно съ крестьянъ и мѣщанъ по душевой раскладкѣ, въ первый разъ привлечены именно всѣ сословія, въ видѣ сбора съ удобныхъ земель. Теперь остается ожидать и желать лишь дальнѣйшаго развитія того же принципа.

Рекрутская повинность и въ истекшемъ, и въ наступившемъ году остается еще на прежнемъ основанїи; но въ манифестѣ о наборѣ 1873 года прямо уже упомянуто о „предстоящемъ коренномъ преобразованїи въ порядкѣ отправленія воинской повинности“. Какъ ни тяжело податнымъ классамъ поставить вновь по 6 человѣкъ съ тысячи, но эту тяготу скоро понесутъ съ ними и другія сословія, если основательны слухи, что коммиссія по преобразованію воинской повинности всѣ главныя части своихъ работъ выполнила.

Изъ болѣе внѣшнихъ и не связанныхъ съ государственнымъ порядкомъ задержекъ народнаго благосостоянія, отмѣтимъ вкратцѣ немногое.

17 января разрушена землетрясеніемъ большая часть Шемахи. Убытокъ въ недвижимыхъ имуществяхъ оцѣненъ въ 1.137,000 рублей; убито 118 человекъ, ранено 44. Въ помощь пострадавшимъ изъ казны отпущено было немедленно 20 тысячъ руб.

Изъ пожаровъ особенно гибельны были, по своей опустошительности въ Диснѣ, Шавляхъ и знаменитый нижегородскій, 25 и 26 іюля, принесшій на 1¹/₂ милл. рублей убытковъ. Сколько народнаго добра сгорѣло всего въ теченіи минувшаго года, мы не знаемъ, но, по совершенно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, за одинъ августъ мѣсяць, не больше какъ въ 28 губерніяхъ, было 854 пожара, въ томъ числѣ 110 отъ поджоговъ; ими истреблено не менѣе 5,726 строеній, на сумму 1.647,219 руб. Во что же отозвалась на богатствѣ и благосостояніи народномъ вся потеря отъ огня за весь годъ!

Неисчислимы также потери отъ болѣзней и заразы на скоть. По крайней мѣрѣ, минувшій годъ, подъ вліяніемъ скотскихъ падежей, вызваль многія земства къ обсужденію съ небывалою прежде живостію мѣръ къ прекращенію заразы. Многія изъ нихъ убѣдились въ необходимости страхованія скота съ тѣмъ, чтобы зачумленный скоть немедленно былъ истребляемъ. Наилучшимъ образомъ организація этого дѣла

изложена въ обнародованномъ проектѣ данковскаго землевладѣльца Шишкова, который принципомъ выставилъ соединеніе нѣсколькихъ губерній въ одинъ страховой округъ, съ количествомъ скота, примѣрно въ 2–3 милліона головъ. Эта же идея взаимной помощи и совокупнаго дѣйствія земствъ, для общаго интереса — проявилась и въ попыткѣ симбирскаго земства, войти въ соглашеніе съ нижегородскимъ, по устройству ветеринарной фельдшерской школы, такъ что, имѣя въ виду еще нѣсколько другихъ однородныхъ фактовъ изъ жизни минувшаго года, можно почти рѣшительно сказать, что эта идея сдѣлалась общественнымъ фактомъ, обещающимъ прекрасные плоды.

Холера въ минувшемъ году посѣтила множество мѣстъ, оспа господствовала преимущественно въ столицахъ. Если относительно послѣдней, въ ревакцинаціи найдено, кажется, наиболѣе дѣйствительное предохранительное средство, то нельзя сказать, чтобы въ борьбѣ съ холерой мы оказали значительные успѣхи. Не много намъ послужили въ пользу прежніе уроки холерныхъ эпидемій, и только послѣ удачныхъ опытовъ примѣненія хинина къ лѣченію холеры, кстати ужъ припомнили, что еще въ 40–хъ годахъ профессоръ Иноземцовъ лихорадки и холеру

считалъ родными сестрами. Изъ всѣхъ затѣмъ принятыхъ до случая эпидеміи мѣрь, слѣдовало одно: повсюду членамъ учрежденныхъ по этому случаю санитарныхъ комиссій оказалось необходимымъ предоставить весьма значительныя права и полномочія; иначе невозможно было бы никакъ обезпечить точнаго исполненія всѣхъ предписанныхъ правилъ, преимущественно о надлежащемъ наблюденіи чистоты и опрятности. Затѣмъ, въ виду особенно послѣднихъ выводовъ науки, о причинахъ и способахъ распространенія холеры, можно признать, что лишь коренное улучшеніе въ санитарныхъ условіяхъ городской жизни, можетъ послужить къ истощенію самага источника холерной заразы. Въ этомъ отношеніи хорошимъ примѣромъ долженъ послужить Петербургъ, принявшійся въ минувшемъ году устраивать свои кладбища въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы чрезъ это избавиться отъ вреднаго дѣйствія полутора десятковъ тысячъ разлагающихся труповъ, отравляющихъ воду и воздухъ.

Сифились, конечно, и въ прошломъ году не остановился въ своей губельной работѣ, и кто знаетъ, не приложимо ли ко всей Россіи замѣчаніе, сдѣланное въ пермскомъ земствѣ, что у насъ, къ несчастію, не сознанъ еще ужасающій

вредъ этого недуга, ведущаго медленнымъ шагомъ народъ къ вырожденію, и вслѣдствіе того нигдѣ не видно такихъ мѣръ противъ него, какія по энергіи соотвѣтствовали бы его гибельному дѣйствию на цѣлыя поколѣнія.

Изъ фактовъ нравственнаго неуройства общественныхъ классовъ, о замѣтномъ въ народѣ пьянствѣ слѣдуетъ сказать, что и въ минувшемъ году общихъ мѣръ къ его ограниченію еще не удалось осуществить. Кромѣ узаконенія, чтобы отъ границъ Знаменскаго имѣнія Великаго Князя Николая Николаевича не открывать мѣстъ раздробительной продажи вина ближе двухъ верствъ, — и кромѣ запрещенія въ Восточной Сибири устраивать въ теченіи трехъ лѣтъ новые винокуренные заводы, мы не помнимъ распоряженій, направленныхъ прямо противъ этого зла.

Въ Одессѣ, въ истекшемъ году, пасхальныхъ беспорядковъ, къ счастью, никакихъ не было, хотя это значить только, что необходимо администраціи дѣйствовать своевременно всѣми законными способами противъ еврейской эксплуатаціи, которая нигдѣ въ народѣ добрыхъ чувствъ не воспитывала. Къ счастью, и харьковскіе беспорядки 17 и 18 апрѣля оказались, по официальному удостовѣренію, простымъ столкновеніемъ толпы съ

полицейскими, раздражившими ее своимъ самоуправствомъ. По этому поводу, справедливо было въ печати замѣчено, что среди нашего народа серьезное нерасположеніе къ нынѣшней полиціи есть очевидный для всѣхъ фактъ и что для измѣненія этихъ чувствъ необходимо коренное преобразование полиціи въ строгомъ соотвѣтствіи съ земскими и городскими учрежденіями и гласнымъ судомъ. Кромѣ правилъ 18 іюля о власти гражданскаго и военныхъ начальствъ при употребленіи военной силы, въ случаѣ народныхъ волненій и безпорядковъ, мы не знаемъ другихъ общихъ мѣръ, которыя въ истекшемъ году стояли хотя бы только въ видимой связи съ безпорядками въ Харьковѣ. Въ нихъ ничего политическаго, ничего агитаторскаго не было, и это намъ даетъ поводъ припомнить, изъ производившагося въ минувшемъ году политическаго процесса, одну фразу осужденнаго Гончарова о дѣйстви на современную Россію даже такъ называемыхъ прокламацій. „Общество, какъ сознался этотъ сочинитель нѣсколькихъ нелѣпѣйшихъ прокламацій, занялось больше изученіемъ наукъ и, конечно, перемѣнило свой прежній взглядъ на нецензурныя произведенія, какъ на верхъ мудрости, и въ особенности, если эти произведенія во очію представляютъ явленіе

какой-то беспорядочной мысли, какого-то сумбура, близко граничащаго съ рѣчами помѣшаннаго". Чтобы наконецъ съ этимъ покончить, напомнимъ, что въ минувшемъ году, швейцарское правительство выдало Нечаева, въ качествѣ простаго убійцы; — что съ Бельгію заключена 23 августа конвенція о взаимной выдачѣ преступников, съ положительнымъ опредѣленіемъ, что выданный не можетъ быть прослѣдуемъ за какое либо политическое преступленіе; — что наконецъ для суда по политическимъ преступленіямъ состоялась въ прошломъ году, 7 іюня, новая редакція соотвѣтствующихъ статей устава уголовного судопроизводства. Одна изъ главнѣйшихъ особенностей новаго порядка та, что по нѣкоторымъ изъ государственныхъ преступленій судъ предоставленъ особому присутствію правительствующаго сената, съ участіемъ дворянскихъ, городского и крестьянскаго сословныхъ представителей.

Основаніемъ матеріальнаго благосостоянія страны и орудіемъ къ ослабленію внѣшнихъ препятствій на пути къ нему, служатъ между прочимъ: точное знакомство съ современными народными нуждами и достигнутыми уже успѣхами, распространеніе въ народѣ высшаго, средняго и низшаго образованія, покровительство

самоуправленію и свобода печати. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ истекшій годъ представляетъ нѣсколько фактовъ стоящихъ упоминанія.

Отмѣчаемъ только вскользь международный конгрессъ статистиковъ 7 августа, московскую политехническую выставку 30 мая, въ ознаменованіе петровскаго юбилея, второй съѣздъ мануфактуристовъ въ Москвѣ, третій съѣздъ русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ 20 октября, первый съѣздъ русскихъ лѣсоводовъ и лѣсохозяевъ въ Москвѣ, всероссійскія выставки, конскую и рогатаго скота, открытіе музеевъ прикладныхъ знаній въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Всѣ эти и многія другія событія способствуютъ познанію народныхъ нуждъ и успѣховъ, и притомъ болѣе мелкія съ такою же пользою, какъ и крупныя. Въ особенности мы останавливаемся на обнаруженномъ въ истекшемъ году движеніи въ пользу сельскаго хозяйства: изученіемъ его состоянія специально занялось министерство государственныхъ имуществъ, къ развитію же и усовершенствованію въ Россіи сельскаго хозяйства и относящихся къ нему отраслей промышленности направлень новый уставъ императорскаго вольно-экономическаго общества, и съ такою же отчетливостью говоритъ ростовскій на Дону съѣздъ сельскихъ хозяевъ о

своей обязанности заниматься изслѣдованіемъ и разработкою мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ, которые могутъ подлежать разсмотрѣнію земскаго собранія. Но еще болѣе достойны вниманія высказанныя при этомъ же мысли о необходимости организаціи всѣхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ одно систематическое и стройное цѣлое, въ видѣ большихъ центральныхъ обществъ и примыкающихъ къ нимъ мелкихъ мѣстныхъ.

Переходя затѣмъ къ движенію образованія въ Россіи за истекшій годъ, отмѣчаемъ слѣдующіе, болѣе выдающіеся факты. Совѣты университетовъ привлечены къ обсужденію вопроса о замѣнѣ нѣкоторыхъ §§ университетскаго устава новыми постановленіями, съ цѣлью вполне и достойно замѣщать своевременно всѣ вакантныя каѳедры и усилить занятія студентовъ. При этомъ министръ народнаго просвѣщенія съ своей стороны обѣщаетъ руководствоваться единственно соображеніями возможно большаго развитія науки и пользою университетскихъ слушателей. Сколько намъ извѣстно, это основное стремленіе раздѣляется и совѣтами, но объ уставѣ 1863 года нѣкоторые изъ нихъ отозвались, что онъ еще не успѣлъ достаточно обнаружить себя на опытѣ, такъ что нѣтъ еще всѣхъ данныхъ для сужденія о

возможныхъ въ немъ перемѣнахъ. Затѣмъ истекшій годъ принесъ намъ слухъ объ открытіи еще одного университета въ Западномъ краѣ, и едва ли напрасно г. министръ, осматривавшій научныя коллекціи виленскаго музея, намекнулъ, что онѣ были бы особенно полезны для высшаго учебнаго учрежденія, и слѣдуетъ къ этому же замѣтить о редакціи недавно обнародованнаго оффиціального сообщенія, что имъ опровергается лишь газетный слухъ о переводѣ въ Полоцкъ университета изъ Дерпта, „вмѣсто учрежденія новаго университета въ виленскомъ учебномъ округѣ“. При медико–хирургической академіи на пожертвованный капиталъ въ 50,000 рубл. открыты въ истекшемъ году спеціальныя женскіе курсы, для приготовленія ученыхъ акушеровъ. Послѣдствія покажутъ, принесетъ ли эта мѣра всѣ ожидаемыя отъ нея плоды.

Истекшій годъ далъ первый выпускъ изъ классическихъ гимназій министерства, преобразованныхъ по новому уставу 1871 г. Послѣ произведенныхъ испытаній оказалось, что ко времени испытаній состояло въ VII классѣ 1,345 учащихся; дѣйствительно держали изъ нихъ экзамень 1,333, удостоены по экзамену аттестата для поступленія въ университетъ 297 (22,2%), простыя свидѣтельства получили 96 (7,2%), вышли безъ всякихъ аттестацій 62 (4,6%), и

наконецъ на второй годъ осталось 868 человекъ (65,1%). Этотъ результатъ, состоящій въ томъ, что менѣе одной $\frac{1}{4}$ учениковъ оказались готовыми для поступленія въ университетъ, считается органомъ министерства за результатъ благопріятный. Затѣмъ къ новому учебному году выдержали приѣмные экзамены и приняты въ гимназіи 7,781 человекъ, но еще интереснѣе то, что 1048 человекъ не приняты единственно по недостатку въ гимназіяхъ помѣщеній. Спросъ на гимназическое образованіе обширнѣе, чѣмъ предложеніе, и можно желать, чтобы уравнительнѣе повліяло въ этомъ отношеніи устройство шестиклассныхъ реальныхъ училищъ, уставъ которыхъ утвержденъ 15 мая 1872 года. Эти училища, вызывавшія до и послѣ своего утвержденія замѣчательные толки и слухи въ обществѣ и печати, имѣютъ по своему уставу цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній. V и VI классы предполагается, по мѣстнымъ потребностямъ, дѣлать на два отдѣленія, основное и коммерческое а при основномъ отдѣленіи можетъ быть учреждаемъ еще одинъ высшій дополнительный классъ съ тремя отдѣленіями: общимъ, назначеннымъ преимущественно для

подготовленія въ высшія спеціальныя училища, механико–техническимъ и химико–техническимъ, а смотря по мѣстнымъ потребностямъ — и съ меньшимъ числомъ отдѣленій. Можемъ при этомъ случаѣ напомнить, что въ нѣкоторыхъ торгово–промышленныхъ центрахъ Россіи, земства и городскія общества воспользовались уже новымъ уставомъ и своимъ правомъ на содержаніе этихъ училищъ. Такимъ образомъ, въ Череповцѣ, по обоюдному соглашенію между земствомъ и городомъ, ассигновано на реальное училище единовременно 25 тысячъ, ежегодно по 2,000 на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе, и кромѣ того, до постройки дома, городъ будетъ для училища нанимать помѣщеніе на свой счетъ. На реальное училище, разрѣшенное въ декабрѣ для Ростова–на–Дону, ассигновано къ ежедневному отпуску отъ города 22,100 р., отъ земства 6,000 и, кромѣ того, на первоначальное обзаведеніе училища земствомъ и городомъ ассигновано 14,000 рублей.

Вмѣсто существующихъ по городамъ уѣздныхъ училищъ, по состоявшемуся 31 мая новому закону будутъ со второй половины 1874 г. устроены 402 городскихъ училищъ (25 четырехклассныхъ, 75 трехклассныхъ и 302 двухклассныхъ). Для приготовленія въ нихъ учителей открываются 7 учительскихъ

институтовъ, въ которыхъ могутъ быть прикомандированы и нѣкоторые изъ учителей нынѣшнихъ уѣздныхъ училищъ. Съ полнымъ осуществленіемъ этой реформы, слѣдуетъ ожидать радикальнаго улучшенія въ образованіи низшихъ городскихъ классовъ.

По народному образованію истекшій годъ наиболѣе замѣчательнъ учрежденіемъ нѣсколькихъ новыхъ учительскихъ гимназій: въ Полоцкѣ, Иркутскѣ, Казани, Омскѣ, Поневѣжѣ, и татарскихъ учительскихъ школъ въ Уфѣ и Симферополѣ; въ Костромѣ и въ Самарѣ открыты земскія школы для приготовленія сельскихъ учительницъ. Всѣхъ же семинарій для приготовленія сельскихъ наставниковъ, включая въ то число и семинарію воспитательнаго дома, къ концу года существовало до 40 — цифра во всякомъ случаѣ весьма еще незначительная. Тѣмъ основательнѣе можно пожелать, чтобы съ возможною широтою продолжалось развитіе учительскихъ курсовъ, съ успѣхомъ практикованныхъ въ прошломъ году многими земствами; и даже необходимо этотъ удобный и недорогой способъ приготовленія учителей организовать въ цѣлую осмысленную систему, какъ и было уже доказываемо въ печати.

Затѣмъ для самага открытія народныхъ школъ и въ прошломъ году наиболѣе потрудились

земство. Отрадно сообщать, что на примѣръ вятскимъ земствомъ на народное образованіе въ истекшемъ году было ассигновано 200 тысячъ рублей, чему соотвѣтствуетъ и результатъ: школы въ Вятской губерніи стали являться въ большомъ числѣ, количество учащихся прогрессивно увеличивается и самое положеніе школъ замѣтно улучшается. Всѣ недостатки школы почти повсюду уже признаны, и между ними: необязательность обученія, недостатокъ специально подготовленныхъ наставниковъ, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, неаккуратное посѣщеніе училищъ учениками, неимѣніе общихъ квартиръ и общихъ столовъ для учениковъ, недостаточность содержанія наставниковъ, отсутствіе попечителей школъ, недостатокъ общенія между всѣми деятелями на поприщѣ народнаго образованія и вообще недостатокъ законченности въ организаціи учебнаго дѣла. Кажется, во всемъ этомъ дѣлѣ на очередь надобно поставить вопросъ о съѣздѣ руководителей и ревнителей народнаго образованія со всей Россіи. Необходимо единство мѣръ, послѣдовательность и настойчивость, а также вопросъ объ изысканіи средствъ, особенно для приготовленія и должнаго обезпеченія учителей, требуетъ самаго многосторонняго и совокупнаго обсужденія.

Какъ параллельное школамъ средство народнаго образованія, въ истекшемъ году появились народныя чтенія, которымъ предположено дать надлежащую организацію. Состоящая въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, коммиссія народныхъ чтеній устроила въ Петербургѣ въ теченіи полугода, въ праздничныя дни, 160 чтеній, которыя посѣтили 17,250 слушателей, преимущественно изъ низшихъ классовъ. Коммиссія выработала также общія правила относительно порядка устройства чтеній для народа въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи и представила ихъ на утвержденіе министра. На это благое дѣло В. Л. Нарышкинъ пожертвовалъ 5,000 рублей.

Въ области нашего самоуправления самый крупный фактъ въ истекшемъ году составляетъ законъ 20 іюня о примѣненіи новаго городского положенія къ столицамъ и Одессѣ. Въ Москвѣ выборы по новому положенію уже произведены; въ Петербургѣ назначены были на 29 декабря, и если судить по общественнымъ толкамъ, особенно всѣхъ интересуется не столько предстоящій послѣ избранія гласныхъ выборъ головы, сколько его товарища, на которомъ, по общему мнѣнію, будетъ лежать главное бремя работъ по столичному самоуправленію. Стоитъ пожелать, чтобы и на другіе города было

распространено право столичныхъ думъ издавать для городскихъ жителей обязательныя постановленія о мѣрахъ къ огражденію общественнаго здоровья отъ опасности, происходящей вслѣдствіи неправильнаго устройства и неисправнаго содержанія фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и вообще помѣщеній для рабочихъ.

Въ области крестьянскаго самоуправленія возникшій было слухъ о предполагаемыхъ попечительствахъ надъ крестьянами на вотчинномъ правѣ былъ, ко всеобщему удовольствію, категорически опровергнутъ. Засимъ истекшій годъ передаетъ будущему заботы о переустройствѣ волостнаго суда, примѣнительно въ особенности къ мировымъ судебнымъ установленіямъ. Спеціальная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Любоцинскаго, обревизовала на мѣстѣ нѣкоторыя волостныя суды, разсылала и задавала соотвѣтственные вопросы и съ довольно значительнымъ запасомъ данныхъ приступила къ выработкѣ своихъ предположеній. Результатъ общественныхъ толковъ по этому вопросу сводится къ наименѣ спорному положенію, что гражданское производство можетъ быть оставлено крестьянскимъ судамъ, уголовное же отнесено къ мировымъ. Вопросъ этотъ впрочемъ

сложенъ и требуетъ въ рѣшеніи особенной внимательности.

Если мы еще отмѣтимъ обсуждавшійся въ прошломъ году вопросъ объ отношеніи городовъ къ земству, причемъ нѣкоторыя мѣстные коммиссіи, къ ихъ чести, категорически высказались противъ выдѣленія городовъ въ особыя земскія единицы, если также упомянемъ о послѣдовавшемъ болѣе точномъ опредѣленіи порядка представленія чрезъ губернатора жалобъ на постановленія городскихъ присутствій, то исчерпаемъ почти все болѣе замѣтное въ области самоуправления.

Теперь еще нѣсколько словъ о печати. Не можетъ она похвалиться особенными радостями въ истекшемъ году. Сколько помнимъ, три изданія были подвергнуты временной пріостановкѣ послѣ полученныхъ трехъ предостереженій; даны были предостереженія еще въ 6 случаяхъ, а четыре газеты подверглись воспрещенію розничной продажи. Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати не измѣнится, повидимому, въ основаніи своемъ и на будущее время. По крайней мѣрѣ, это позволительно предположить по смыслу закона 7 іюня, на основаніи котораго министръ можетъ сдѣлать распоряженіе о предварительномъ задержаніи не прошедшихъ чрезъ цензуру книгъ

и повременныхъ изданій, выходящихъ рѣже одного раза въ недѣлю, если распространеніе ихъ будетъ признано министромъ за особенно вредное, и можетъ представить на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ о воспрещеніи выпуска этихъ произведеній въ свѣтъ. Недавно также отъ главнаго управленія по дѣламъ печати объявлено, что неподлежащія предварительной цензурѣ изданія будутъ немедленно подвергаемы установленнымъ административнымъ взысканіямъ за перепечатку въ изданіяхъ доступныхъ всякому, а тѣмъ болѣе въ литературно-политическихъ журналахъ и газетахъ такихъ изъ помѣщаемыхъ въ спеціальныхъ и научныхъ изданіяхъ изслѣдованій, статей и документовъ, „содержаніемъ для коихъ служатъ предметы, не могущіе дѣлаться достояніемъ всей массы читателей“. Затѣмъ въ истекшемъ году разрѣшено, если не ошибаемся, не менѣе 44 новыхъ повременныхъ изданій. Это свидѣтельствуетъ о потребности въ расширеніи области общественнаго обсужденія и объ увеличившемся запросѣ на чтеніе подобнаго рода.

Вотъ въ строго фактическомъ изложеніи истекшей 1872 г., но жизнь безконечно шире этихъ немногихъ фактовъ, потому что живетъ—то

не кто иной, какъ сама Россія, и „да цвѣтетъ же она, (говоря съ Карамзинымъ) по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой“.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И еще годъ кануль въ вѣчность!.. проводимъ же его добрыми воспоминаніями и благословеніями!..

Да, по истинѣ человѣчество должно быть благодарно Провидѣнію за истекшій годъ!.. Грозный, по физическимъ бѣдствіямъ, для многихъ странъ стараго и новаго свѣта, онъ, по политическимъ событіямъ, прошелъ благополучно для большинства изъ нихъ. Европа же въ 1872 году буквально отдохнула послѣ тяжкихъ военныхъ событій, ознаменовавшихъ собою годы предшествовавшіе (1871 и 1870): чуждый подобныхъ событій, истекшій годъ, напротивъ того, ознаменовался многими другими мирными событіями, изъ коихъ инья не только что немедленно оказали благопріятные результаты въ настоящемъ, но и посѣяли не менѣе благотворныя сѣмена мира для будущаго. Въ числѣ такихъ событій, первымъ по своей важности долженъ считаться третейскій судъ, собранный въ Женевѣ для разсмотрѣнія давняго

спорнаго, (извѣстнаго въ политикѣ подѣ именемъ элебемскаго) дѣла между Соединенными Штатами и Великобританіей и мудрымъ рѣшеніемъ, — которому добровольно покорились обѣ заинтересованныя, стороны — предупредившій можетъ быть грозную, кровопролитную войну... Рядомъ съ женеvскимъ судомъ стоитъ третейскій судъ, отданный германскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ Вильгельмомъ I между тѣми же державами по такъ называемому санъ-хуанскому вопросу. Оба эти суда показали всему цивилизованному и христіанскому міру возможность рѣшенія мирнымъ путемъ такихъ столкновеній, которыя обыкновенно рѣшаются оружіемъ и, конечно, чаще всего, — вопреки справедливости, — къ явной невыгодѣ которой-нибудь одной изъ сторонъ. Остается желать, чтобы блистательный примѣръ въ этомъ отношеніи, явленный въ 1872 году, не остался безъ подражаній и на будущее время; и чтобы Европа все болѣе и болѣе проникалась сознаниемъ пользы политики прямодушной, миролюбивой и честной; и отвращеніемъ къ противоположной политикѣ, еще недавно имѣвшей такого блестящаго представителя въ лицѣ Наполеона III, слова котораго, въ теченіи 18 лѣтъ, при наступленіи каждаго новаго года

ждали съ недовѣріемъ и боязнью, и которому самому ни разу не удавалось, — сколько онъ ни толковалъ объ этомъ, — собрать конгрессъ для рѣшенія мирнымъ путемъ тѣхъ вопросовъ, которые избалованный удачами властитель Франціи имѣлъ обыкновеніе рѣшать только двумя способами: интригами и войной... Но эти самые способы, столь долго служившіе ему, обратились подъ конецъ противъ него, и онъ палъ жертвою ихъ, какъ бы въ очевидное исполненіе тѣхъ вѣчныхъ глаголовъ истины, изъ которыхъ ни одна буква не была начертана вотще и не можетъ пройти, не исполнившись.

Но если 1872 годъ и прошелъ для Европы безъ международной войны, то, къ сожалѣнію, онъ не былъ изъятъ отъ внутреннихъ раздоровъ и усобищъ.

Нѣкоторые изъ этихъ раздоровъ были собственно церковные и одинъ изъ нихъ долженъ грустно отозваться въ сердцѣ cadaго православнаго: онъ возникъ въ средѣ восточной католической церкви. Начавшаяся слишкомъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ по дѣламъ церковнымъ распря между болгарами и греками привела въ истекшемъ году къ совершенному разрыву между этими двумя племенами и къ окончательному отдѣленію болгарской церкви, которую вселенскій патріархъ со своимъ

синодомъ не только не призналъ, но предаль отлученію; а самостоятельность которой призналъ и подтвердилъ особливой грамотой турецкій султанъ... Это еще первый примѣръ вмѣшательства магометанъ въ церковныя дѣла христіанъ, съ тѣхъ поръ какъ луна замѣнила крестъ на куполѣ св. Софіи. Самая же эта греко-болгарская распря, по своей ожесточенности, тоже, сколько намъ извѣстно, не имѣла ничего себѣ подобнаго въ исторіи восточной церкви, за исключеніемъ первыхъ вѣковъ (включительно до VIII) когда непрерывно возникавшіе ереси и споры о неутвердившихся и неразвившихся вполнѣ ученіяхъ часто возмущали церковь, наконецъ въ VIII вѣкѣ окончательно умиротворенную и утвержденную вселенскими соборами. Предупредить, а потомъ порѣшить греко-болгарскую распрю и въ наше время тоже представлялся способъ — посредствомъ такового же вселенскаго собора. Благочестивый константинопольскій патріархъ Григорій VI хотѣлъ прибѣгнуть къ этому способу и приглашалъ всѣ восточныя церкви на соборъ въ Константинополь: но его голосъ не былъ услышанъ... Вселенскій православный соборъ не состоялся и дѣло по болгарскому церковному вопросу получило самый печальный, хотя многими и давно уже предвидѣнный исходъ.

Такого исхода въ особенности ожидали тѣ безпристрастные наблюдатели, которые имѣли случай близко слѣдить, на самомъ мѣстѣ, за ходомъ дѣла. Оно находилось, съ болгарской стороны, въ рукахъ непосвященныхъ, неопытныхъ, скажемъ болѣе — въ рукахъ нечистыхъ. Нѣсколько человекъ изъ болгарской молодежи, воспитанные подъ вліяніемъ западнаго образованія въ направленіи чисто-матеріалистическомъ, полные невѣрія и невѣдѣнія, руководимые единственно эгоистическою жаждою выгоднаго положенія лично для себя и для своихъ, — ухватились, для пріобрѣтенія и удержанія за собой такого положенія, за мнимо страдальческое положеніе болгарскаго народа, будто бы терпящаго отъ грековъ, — взялись быть большею частію самозванными представителями своего народа и преступно разорвали всѣ его связи съ бывшими его наставниками въ вѣрѣ и просвѣщеніи. Что просвѣщеніе и вообще развитіе болгаръ пошло бы скорѣе и успѣшнѣе, когда бы самое богослуженіе и проповѣдываніе слова Божія совершались у нихъ на родномъ языкѣ и ихъ же соотчичами — противъ этого никто не сталъ бы и спорить и въ этомъ то именно смыслѣ и оказывалось имъ сочувствіе со стороны Россіи. Но такихъ благъ болгаре могли достигнуть, не нарушая мира

церковнаго съ греками, путемъ мирныхъ уступокъ, на которыя послѣдніе и были уже готовы при патриархѣ Григоріѣ въ 1867 г.*). Но тогда эти уступки были не приняты представителями болгарскаго народа, именно избѣгавшими случая покончить дѣло — и черезъ то утратить свое вліяніе, — а желавшими сколько возможно продлить его, запутать, и дѣйствительно приведшихъ его хотя и къ грустному, но для нихъ лично къ выгодному концу. Еще болѣе такой конецъ выгоденъ и пріятенъ Оттоманской Портѣ, которая въ настоящее время имѣетъ полное право примѣнить къ себѣ извѣстный латинскій девизъ: *Divide et impera*. Непрiязнь между двумя заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами достигла высшей степени; запальчивая ярость, первоначально возникшая изъ среды болгаръ, — нынѣ перешла и къ грекамъ. Преемникъ Григорія VI на вселенскомъ престолѣ не наслѣдовалъ ни умѣренности, ни кротости, ни высокой мудрости своего благочестиваго предшественника. Онъ прибѣгъ безъ надобности и уже во всякомъ случаѣ безъ пользы къ самымъ крутымъ мѣрамъ — вообще столь противнымъ духу христіанскаго ученія — и поразилъ гоненіемъ

*) ет. о. : "уогі : о а%д'ау" ооті °п етiа аді °т'е оо% о. іооуфiт'е оуѣу,е і. а. і ет'еооо, †.

всѣхъ тѣхъ, кто не оказалъ сочувствія къ такимъ его мѣрамъ. Плоды этого гоненія отозвались даже на Иерусалимской церкви, въ низложеніи тамошняго патріарха Кирилла, старца кроткаго и пользующагося всеобщею любовью на дальнемъ православномъ Востокѣ.

Но какъ бы ни было велико раздраженіе въ Фанарѣ, — все таки оно болѣе или менѣе понятно вслѣдствіе горькихъ причинъ его породившихъ и питающихъ по нынѣ. Гораздо менѣе понятно и еще менѣе извинительно то раздраженіе, которое замѣтно нынѣ собственно въ Греціи, многіе журналы которой гремятъ ежедневными и непозволительными выходками противъ Россіи. Какъ ни мало основательны такія выходки, однакоже на нихъ не всегда должно отвѣчать молчаніемъ презрѣнія, потому что при всей видимой своей ничтожности, они все таки служатъ выраженіемъ мнѣнія какой нибудь общественной, а иногда даже и правительственной партіи. Не мѣшаетъ и еще разъ напомнить нынѣшнимъ эллинамъ — потомкамъ тѣхъ славныхъ предковъ, о которыхъ въ древности составила поговорка: *Timeo Danaos et Dona ferentes* — не мѣшаетъ напомнить имъ, что нынѣшнее Королевство Греческое обязано существованіемъ своимъ единственно Россіи. Мы очень хорошо знаемъ что заслуга

Россіи часто оспаривается нынѣшними элинами и приписывается (какъ былъ тому очень свѣжій примѣръ еще недавно) западнымъ державамъ — преимущественно Англїи и Франціи.

Такое оспариваніе можетъ служить только обличеніемъ въ совершенномъ незнаніи исторіи. Кто изучалъ послѣднюю, тотъ согласится (въ чемъ соглашаются всѣ, даже сами западные враги наши), что русское оружіе впервые разсѣяло страхъ, наводимый дотолѣ на всю Европу оружіемъ оттоманскимъ: что наши побѣдныя знамена на берегахъ Кагула и Рымника первыя пріосѣнили зараждающуюся зарю элинскаго возрожденія и прикрыли самую свободу православія, дотолѣ непрерывно притѣсняемую поклонниками ислама; что до появленія русскаго флота на водахъ Чесмы, въ Турціи, слова „христїанинъ" и „невольникъ" были синонимы — и что возбужденное тогда братьями Орловыми, хотя и неудавшееся на первый разъ, возстаніе въ Мореѣ послужило однако предтечей къ увѣнчаншемуся успѣхомъ возстанію 1821 г. Самый успѣхъ этого послѣдняго возстанія безъ сомнѣнія, — вопреки утвержденіямъ нашихъ завистливыхъ противниковъ и неблагодарныхъ друзей, — принадлежитъ Россіи. Если Императоръ Александръ I, по политическимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась тогда

Европа, и въ особенности по обязательствамъ, въ какихъ онъ находился въ отношеніяхъ къ союзнымъ монархамъ, и не могъ подать тогда немедленно руку помощи своимъ единовѣрцамъ, то его представитель, баронъ Строгановъ, даже вопреки положительнымъ наставленіямъ своего правительства, дѣйствовалъ въ Константинополѣ исключительно въ пользу грековъ, чѣмъ и довелъ турокъ до открытаго разрыва съ нами и положилъ основаніе той политикѣ, которая, — будучи въ болѣе широкихъ размѣрахъ усвоена Императоромъ Николаемъ I — привела къ Наварину. Наконецъ если и наваринская битва и рядъ другихъ геройскихъ битвъ, — въ которыхъ впрочемъ участвовали не нынѣшніе оратарствующіе въ парламентѣ и пишущіе въ журналахъ греки — а дѣды и отцы ихъ — если говоримъ — всѣ эти битвы и дали плоды несоотвѣтствующіе возбужденнымъ ими ожиданіямъ: такъ въ томъ, опять таки, вина не наша, а вина французовъ и англичанъ, недопустившихъ на лондонскихъ конференціяхъ образоваться Греческому Королевству въ такомъ составѣ, какъ хотѣла этого Россія. Нынѣшніе, многочисленные между греками друзья и почитатели Англии и Франціи часто и съ восторгомъ вспоминаютъ объ участіи, принятомъ этими двумя державами въ греческой войнѣ за

ратующіе въ журналистикѣ и съ депутатской каѳедры противу Россіи греки — безчисленные историческіе факты и убѣдятся, *кто и гдѣ* ихъ истинные друзья; да пусть припомнятъ же, кстати, давно — извѣстную истину, что благодарность есть принадлежность возвышенныхъ и благородныхъ душъ; а неблагодарность не напрасно клеймится у всѣхъ народовъ изстари ей приданнымъ эпитетомъ *черной*.

Мы имѣемъ полное право предполагать, что благодѣтельное посредничество Россіи, преимущественно передъ прочими державами, не останется безъ послѣдствій и въ спорномъ дѣлѣ, возникшемъ между Франціею и Италіею съ одной стороны и Греціею съ другой — по Лавріонскимъ рудникамъ. Желательно чтобы это дѣло, вошедшее въ этомъ году въ новый, довольно затруднительный фазисъ, — окончилось мирно и скоро, по прекрасному примѣру, поданному Соединенными Штатами и Великобританіей. Справедливо также при этомъ упомянуто, что доселѣ образъ дѣйствій Италиі, въ отношеніи къ Греціи и Лавріонскому вопросу — отличался особенною умѣренностью и благоразуміемъ.

Не съ меньшимъ благоразуміемъ и политическимъ тактомъ вела Италія и свои

отношенія къ другимъ державамъ, такъ что ея внѣшнія сношенія въ этомъ году были вполнѣ удовлетворительны и еще болѣе упрочили то положеніе, которое сразу заняло въ ряду европейскихъ державъ это молодое, новосозданное королевство. Во внутреннихъ дѣлахъ итальянскому правительству приходилось въ этомъ году бороться съ затрудненіями и съ препятствіями многочисленными и многозначительными. Къ прежнимъ тягостямъ истекающимъ изъ финансоваго положенія, присоединились еще новыя бѣдствія: физическія бури, наводненія и ураганы, по поводу которыхъ правительству пришлось сдѣлать, для помощи народу, новыя чрезвычайныя затраты. Впрочемъ самыя эти физическія бѣдствія, при всей своей горечи, имѣли хоть ту отрадную нравственную сторону, что они сильнѣе сплотили между собою населенія разныхъ городовъ, сближавшіяся въ единомъ общемъ стремленіи: помочь пострадавшимъ. Но самымъ главнымъ и постояннымъ усиленіемъ итальянскаго правительства въ этомъ году, какъ и прежде — было: сблизиться съ папой. Къ сожалѣнію, такое стремленіе нисколько не увѣнчалось успѣхомъ. Всѣ попытки короля Виктора-Эммануила и его министровъ склонить къ миру непреклонную вражду ватиканскаго двора — эти попытки

остаются по прежнему бесплодны. Папа не принялъ и на этотъ разъ чиновника итальянскаго министерства финансовъ, посланнаго къ нему для врученія денежнаго документа, и отказался отъ полученія ассигнованной ему, на основаніи закона о гарантіяхъ, отъ итальянскаго правительства суммы (около трехъ съ половиною милліоновъ франковъ). Мало того: въ безчисленныхъ рѣчахъ, которыя Пій IX произноситъ при всякомъ удобномъ случаѣ и которыми онъ въ особенности любитъ привѣтствовать столь часто представляющіяся ему различныя депутаціи, — въ этихъ рѣчахъ глава католической церкви постоянно и притомъ въ самыхъ рѣзкихъ, язвительныхъ выраженіяхъ, не щадитъ главу итальянскаго правительства. Такія и подобныя рѣчи, въ которыхъ ясно высказываются не духовные взгляды, „а печаль по мѣртъ,” т. е. печаль объ утратѣ свѣтской власти — огорчаютъ и еще болѣе отчуждаютъ отъ папы сердца добрыхъ и искренно набожныхъ католиковъ. Отчужденіе послѣднихъ началось впрочемъ еще съ изданія знаменитой буллы „Syllabus” (1866) и довершилось при провозглашеніи новаго догмата о папской непогрѣшимости (1870). Тогда то непризнавшіе этого новаго догмата (послѣдствія котораго не такъ сначала были замѣтны по важности

заслонявшихъ его плоды политическихъ обстоятельствъ, — но вполнѣ окажутся въ будущемъ и уже отъ насъ, кажется, весьма недалекомъ), составили изъ себя въ разныхъ мѣстахъ особливья общества подъ именемъ старо-католиковъ и получили даже во многихъ городахъ, для отправленія своего богослуженія, церкви. Старо-католическое движеніе, безъ сомнѣнія, будетъ все болѣе и болѣе, годъ отъ году, распространяться; сверхъ того оно видимо тянетъ къ православной церкви. Вотъ почему особенно прискорбны случившіеся въ нѣдрахъ этой церкви, на Востокѣ, раздоры тѣмъ, что они произошли именно въ ту эпоху, когда такъ нужно совокупленіе во едино всѣхъ силъ православія, для провозвѣщенія святыхъ истинъ и для дружнаго отпора притязаніямъ римской курии, которыя, конечно, не остановятся и въ тѣхъ предѣлахъ, до какихъ они дошли уже теперь. Самый живой и свѣжій примѣръ этому представила произнесенная въ собраніи консисторіи въ Ватиканѣ аллокуція папы, въ которой досталось, кромѣ Италіи, и многимъ иностраннымъ державамъ, а особливо Германіи, въ такой степени, что германское правительство рѣшилось немедленно отозвать своего дипломатическаго представителя при ватиканскомъ дворѣ. Этотъ разрывъ можетъ

привести къ послѣдствіямъ гораздо важнѣйшимъ, чѣмъ, можетъ быть, въ Ватиканѣ ожидаютъ. Князь Бисмаркъ не такой человѣкъ, чтобы остановиться передъ оппозиціей духовенства, на томъ пути, который единожды избранъ былъ имъ, какъ согласный съ его политическими видами и совмѣстный съ пользами его отечества. Онъ доказалъ это еще въ истекшемъ году, разорвавъ связь съ аристократами перами, столько разъ поддерживавшими его, и вступивъ въ союзъ съ либералами, доселѣ въ большинствѣ случаевъ бывшими противъ него. Вообще, переустройство по администраціи и по самой организаціи коренныхъ установленій, — переустройство, въ которомъ ясно проглядывали уступки либеральной партіи, — вотъ что характеризовало прусско-германскую политику во внутреннихъ дѣлахъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ она стремилась, вмѣстѣ съ другими, болѣе всего къ сохраненію европейскаго мира.

Но если либеральная партія въ Пруссіи вела себя въ послѣднее время съ такою умѣренностью и съ политическимъ тактомъ, что заслужила даже до нѣкоторой степени довѣріе правительства, то никакъ нельзя сказать того же о либеральной партіи во Франціи; точнѣе можно сказать, что тамъ нѣтъ либераловъ — самые чистые республиканцы называютъ тамъ сами себя

консерваторами, — а есть, къ несчастію, и въ великомъ количествѣ, радикалы, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затрудняющіе положеніе своего несчастнаго отечества и связывающее дѣйствія великаго патріота, бодрствующаго и пекущагося о спасеніи его. Еще ужаснѣе радикализмъ, хотя и прикрывающій себя именами различныхъ партій, опустошаетъ сосѣднюю съ Франціей страну — Испанію. Наконецъ, тотъ же самый радикализмъ, — этотъ бичъ новѣйшей цивилизаціи, отъ котораго она, еслибъ онъ когда нибудь усилился, можетъ ждать своего разрушенія, — распространяется все болѣе и болѣе по Англіи въ разныхъ проявленіяхъ. Подъ вліяніемъ подобныхъ проявленій многія робкія сердца наполняются страхомъ за будущность человѣчества. Но въ сердцахъ сильныхъ вѣрою нѣтъ и не должно быть мѣста такому страху. Недавно одинъ изъ передовыхъ людей Англіи по своему многостороннему образованію и первый по своему оффиціальному положенію — г. Гладстонъ закончилъ одну свою рѣчь такими словами: „Богъ, покровительствующій нашему времени, покровительствовалъ также и прошедшему“; — прибавимъ нынѣ отъ себя: — *будетъ покровительствовать и будущему* — и съ

этими, исполненными утѣшительной надежды, словами, благословясь, вступимъ въ новый 1873 г.

Только что получено извѣстiе о кончинѣ императора Наполеона III въ Числьгёрстѣ. Объ этомъ событiи и объ отношенiи его къ текущимъ дѣламъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ „Гражданина“.

С. Н.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Государственная роспись на 1873 годъ, по свѣдѣнiямъ „Гражданина“, за достовѣрность коихъ онъ можетъ поручиться, сведена, какъ и прошлогодняя, не только безъ дефицита, но даже съ нѣкоторымъ превышенiемъ ожидаемыхъ въ наступившемъ году доходовъ надъ предстоящими въ теченiе того же года расходами. Знакъ, что государственное казначейство имѣетъ надежду покрыть всѣ нужды этого года тѣми обыкновенными средствами, которыя дастъ ему страна, не прибѣгая къ убыточной помощи средствъ чрезвычайныхъ, по просту, къ новымъ займамъ. Правда, что это пока одна надежда, — ибо смѣтныя предположенiя, какъ бы внимательно и предусмотрительно исчислены они ни были, еще не составляютъ твердаго

ручательства за то, что при дѣйствительномъ исполненіи росписи государство получить всѣ нужныя ему средства, на которыя оно рассчитывало при составленіи смѣтъ, и не встрѣтитъ никакихъ новыхъ, не предусмотрѣнныхъ имъ своевременно и съ тѣмъ вмѣстѣ неотложныхъ, расходовъ. Но такъ какъ опытъ послѣднихъ по крайней мѣрѣ лѣтъ свидѣтельствуешь, что соотношеніе между государственными доходами и расходами въ дѣйствительности оказывалось для государственнаго казначейства даже благопріятнѣе, чѣмъ въ смѣтныхъ предположеніяхъ, то мы не видимъ достаточнаго основанія не довѣрять осуществленію этой надежды и, не колеблясь, возвѣщаемъ нашимъ читателямъ о результатѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ на 1873 годъ, какъ о событіи сколько важномъ, столько и отрадномъ, съ которымъ, какъ съ новымъ счастьемъ, весьма прилично поздравить наступленіе новаго года.

Съ подобными же надеждами встрѣченъ былъ и 1872 годъ, по росписи коего показано было точно также превышеніе доходовъ надъ расходами тысячъ на четыреста*); но для

*) е000Е0, 1872 „ і0„і† . ° . °У. 0, А%Аі† А~А . Т†„00 ПІІІ „А %† П „000%† 0У, Аіі†,0 І†Аі†~АЕ0У, †, А0ТЕ. ° , 0Аіі0А ІЕІЕ0УА 0У, 0 ІА „0000І, А0, †І00, 0 А%, Е%ЕІ ° ІЕ ЕА. ° УІ†ІЕ %0, 0%0, ° %† П У0„0, ~У0. °

надеждъ настоящей минуты есть лишнее противъ прошлаго года и весьма прочное, по нашему мнѣнію, основаніе, а именно: примѣръ исполненія государственной росписи 1871 г., по которой уже не въ однихъ предположеніяхъ, а въ несомнѣнной дѣйствительности, оказалось, въ первый разъ въ новѣйшей исторіи нашего бюджета, превышеніе поступившихъ въ казну доходовъ надъ произведенными ею расходами, и превышеніе весьма не маловажное, простирающееся до 8.452.000 р. Такое явленіе, послѣ длиннаго ряда дефицитовъ, изнурявшихъ государственное казначейство и явственнымъ образомъ раскрывавшихъ недостатки нашего финансоваго управленія передъ глазами всего народа, изъ трудовъ и жертвъ коего извлекаются денежныя средства государства, представляется весьма утѣшительнымъ признакомъ, съ одной стороны, явной побѣды, одержанной правительствомъ надъ унаслѣдованными отъ прежняго времени пороками финансовой системы, съ другой стороны, столь же очевиднаго увеличенія — не говоримъ народнаго благосостоянія, но, по крайней мѣрѣ, народныхъ достатковъ.

Чтобы для нашихъ читателей было яснѣе представленіе о значеніи сообщаемыхъ нами

результатовъ и о важности тѣхъ финансовыхъ затрудненій, отъ которыхъ мы только начинаемъ освободиться, считаемъ достаточнымъ напомнить имъ объ одномъ поразительномъ обстоятельстве, — что, шесть лѣтъ тому назадъ, дѣйствительное исполненіе государственной росписи (за 1866 г.) кончилось дефицитомъ, простиравшимся до 60.600,000 р.

Дефицитъ въ 60.600,000 р. и избытокъ доходовъ въ 8.450.000 р. — на разстояніи шести лѣтъ: это едва вѣроятное, а между тѣмъ совершенно достовѣрное явленіе, въ которомъ заключается одновременно и осужденіе прошлаго, и радость за настоящее, и наставленіе для будущаго.

Условія народной жизни и производительности не могли за столь короткій періодъ времени измѣниться до такой степени, чтобы измѣненіемъ ихъ можно было объяснить ту разительную перемѣну во взаимномъ соотношеніи между государственными доходами и расходами, какая произошла съ 1866 г. по 1871 годъ; ясно, слѣдовательно, что необходимыя для цѣлей правительства средства у страны были и прежде, но ими не умѣли надлежащимъ образомъ распорядиться и потому принуждены были, для покрытія обыкновенныхъ государственныхъ потребностей, среди глубокаго

мира внутри и внѣ, при самыхъ благопріятныхъ для Россіи обстоятельствахъ, прибѣгать къ ежегоднымъ займамъ, которые, обременяя государственное казначейство, съ тѣмъ вмѣстѣ подрывали довѣріе къ финансовой состоятельности государства и не мало способствовали пониженію нашего значенія между другими болѣе благоустроенными народами Европы. Правда, дефицитъ 1866 г. былъ, по размѣру своему, явленіемъ исключительнымъ, впослѣдствіи ни разу уже не повторившимся; но кто знаетъ, что было бы, если бы этотъ ужасающій размѣръ его не былъ съ неопровержимою очевидностію опредѣленъ и указанъ не одному обществу, но и самому правительству, въ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію росписи на 1866 годъ? Одно приведеніе въ извѣстность и оглашеніе этой чудовищной цифры составляетъ уже весьма важную услугу; обнаруживъ, грозившую опасность, оно пробудило дремавшую дотолѣ энергію финансоваго управленія и, безъ сомнѣнія, не мало способствовало къ изысканію и принятію тѣхъ мѣръ, которыя, мало по малу, вывели наконецъ нашу государственную роспись изъ ея безотраднaго положенія. Въ послѣдующіе годы дефициты были уже значительно меньше, а именно: въ 1867 г. онъ былъ даже всего съ

небольшимъ въ 5.000,000 р., что объясняется особымъ, въ концѣ 1866 г., послѣдовавшимъ Высочайшимъ повелѣніемъ о всеобщемъ сокращеніи расходовъ, въ слѣдующемъ же 1868 г. возросъ безъ малаго до 20.000,000, въ 1869 понизился до 11.300,000 р.; наконецъ въ 1870 г. онъ простирался всего до 1.205,000 р., т. е. до такой суммы, недостатокъ которой въ пятисотмилліонномъ бюджетѣ едва замѣтепъ, а въ 1871 г. уже со всѣмъ исчезъ и уступилъ мѣсто избытку, какъ выше показано, въ 8.452,000 р.

Но этотъ утѣшительный результатъ исполненія государственной росписи 1871 г. и столь же благопріятное для нашихъ финансовыхъ дѣлъ двукратное сведеніе росписи (на 1872 и 1873 г.) безъ дефицита не должны однако усыплять нашей заботливости о положеніи нашего государственнаго казначейства, которому, въ весьма близкомъ будущемъ, могутъ представиться новыя и весьма важныя затрудненія. Не должно ни на одну минуту забывать, что мы достигли изгнанія изъ нашей росписи дефицита только благодаря чрезвычайному увеличенію, въ послѣднее время, государственныхъ доходовъ, въ особенности двухъ ихъ отраслей, — питейнаго и таможеннаго сборовъ, что же касается государственныхъ расходовъ, то въ нихъ, за послѣднее время, не

только не замѣчается ни малѣйшаго пониженія, (ужь не говоримъ — вообще по всей росписи, но даже въ частности, хотя по какимъ нибудь вѣдомствамъ *), но представляется постоянное и, по размѣрамъ своимъ, весьма тревожное возвышеніе.

Въ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи на 1871 г. приведена слѣдующая таблица, сопоставляющая движеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ за послѣднее пятилѣтіе.

	Доходовъ	расходовъ.
противъ		
	Произведено	Поступило
	расходовъ.	доходовъ.
	меньше	болѣе
Въ 1867 г.	424.904,090	419.838,426
	5.065,664	
» 1868 »	441.282,998	421.560,459
	12.722,539	

*) ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ, ПОСЛАВЛЯЮЩАЯ ТАБЛИЦА ДВИЖЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ПЯТИЛѢТІЕ. ВЪ 1867 Г. ДОХОДОВЪ 424.904,090, РАСХОДОВЪ 419.838,426. ВЪ 1868 Г. ДОХОДОВЪ 441.282,998, РАСХОДОВЪ 421.560,459.

- » 1869 » 468.797,909 457.496,341
11.301,568
» 1870 » 485.558,831 480.558,831
4.923,254*)
» 1871 » 499.734,632 508.187,576 8.452,994

Отсюда видно, что за время съ 1867 г. по 1872 г. расходы увеличились: съ 424.904,090 р. до 499.734,632 руб. на 74.830,542 р. или на 18 проц.; а доходы съ 419.838,426 р. до 508.187,576 р., на 88.342,150 р. или на 21 проц.**)).

Итакъ, вотъ причина, по которой дефицита не оказалось при исполненіи государственной росписи 1871 г. и почему росписи на 1872 и 1873 г. могли быть, безъ опасенія за неудачный исходъ дѣла въ будущемъ, сведены тоже безъ дефицита: дѣло въ томъ, что въ совмѣстномъ движеніи къ верху какъ государственныхъ расходовъ, такъ и государственныхъ доходовъ, послѣдніе пока обгоняютъ въ общемъ итогѣ на $\frac{1}{6}$. Но кто же можетъ поручиться, что дѣла этаго любопытнаго ристалища будутъ идти постоянно въ томъ же направленіи и что отстающій нынѣ изнуритель государства не очутится, года черезъ два, опять,

*) ООТѢ ЕА ЕА: "УОЕ ООТТ ° ЕОТТ ~ЕУ. 3.718,138 . †010%0, ;
0†%† ~Еі' †† ЕАТ "АІ0%0 ОЕІ °Е У01%0, У0 0'А, °-АІ А 0. ° ПІ0, АІІ °І'
†010%0, ††%0 %010%†ІЕ · У%АУ' 1.205,116 .

**) еУ . 83—84.

какъ было прежде, впереди своего, на эту минуту торжествующаго соперника. Мы не желаемъ быть зловѣщими прорицателями будущихъ финансовыхъ затрудненій государства; но не можемъ однако и молчать о томъ, что, хотя и касается будущаго, не превышаетъ однако силъ самаго обыкновеннаго (а въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, даже и обязательнаго для тѣхъ, кого это ближе другихъ касается) человѣческаго предвидѣнiя.

Изъ тогоже отчета государственнаго контроля видно^{***}), что изъ суммы общаго превышенiя государственныхъ доходовъ 1871 г. противъ цифры ихъ поступленiя за 1867 г. (88.349,000)^{****}) упадаетъ на долю:

Питейнаго сбора	
40.760,000 руб.	
Таможеннаго	10.408,000 »
Податей	14.538,000 »
Пособiй государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ	
.	5.533,000 »
Оборотныхъ поступленiй	
6.977,000 »	

***) èÙ . 10—17.

****) è È, 0%fi ^ÈÙ ° ΟÙ~ΑÙ‡, Ì ° ΟΟΑ, ΟΤ ΠΙΑΤ΄ ΟΑ· ΄΄ %0000Γ‡Ù,
Ï·ΓΟΥΟ ΟΑ Èi· ΟΓ Ò,ΤΑΙ Α.

78.216,000 руб.,

такъ что на долю этихъ пяти отраслей государственнаго дохода приходится болѣе $88\frac{1}{2}$ процент. всего пятилѣтняго его увеличенія.

Между тѣмъ, ни одна изъ этихъ статей, кромѣ таможеннаго сбора, не представляетъ, сколько мы понимаемъ, условій для такого же усиленнаго развитія и на будущее время, какое замѣчается въ нихъ за истекшіе пять лѣтъ.

Увеличеніе питейнаго дохода за 1867–71 г. съ 134.000,000 до 174.700,000 р. объясняется болѣе всего возвышеніемъ размѣра акциза на вино въ полтора раза (съ 4 к. на градусъ безводнаго спирта онъ возросъ нынѣ до 6 коп.). Едва ли можно предполагать, чтобы послѣ недавняго и столь значительнаго увеличенія акциза, министерство финансовъ рѣшилось вскорѣ на дальнѣйшее возвышеніе его размѣра. Патентный сборъ, — другой источникъ питейнаго дохода, — тоже возвышенъ на 30 проц. съ 1871 года, т. е., такъ недавно, что въ скоромъ времени дальнѣйшаго его увеличенія ожидать тоже нельзя или, по крайней мѣрѣ, не должно: ибо нѣтъ причины сомнѣваться, что размѣръ нынѣ послѣдовавшаго увеличенія патентнаго сбора установленъ послѣ внимательнаго изслѣдованія дѣла и что онъ опредѣленъ въ 30 проц. , а не въ 40 проц. или въ 60 проц., по основаніямъ вполнѣ

достаточнымъ. Безакцизный переходъ въ пользу заводчика ограниченъ уже до крайней степени; контрольные снаряды введены въ употребленіе въ весьма многихъ заводахъ.

Однимъ словомъ, надежда на дальнѣйшее увеличеніе питейнаго дохода можетъ основываться развѣ только на увеличеніи употребленія вина, которое можетъ произойти, во 1-хъ, отъ увеличенія народонаселенія, во 2-хъ, отъ усиленія пьянства въ народѣ.

Послѣднее можетъ представляться довольно вѣроятнымъ; ибо народъ, оставленный въ нравственномъ отношеніи самому себѣ, лишенный помощи церковной проповѣди и благоустроенной школы, не имѣющій никакого приличнаго и безвреднаго для его нравовъ пріюта для праздничнаго отдохновенія отъ тягостныхъ будничныхъ трудовъ, по неволѣ рвется къ кабаку, не очень смущаясь тѣмъ, что мы, покоющіеся его безпокойствомъ, самодовольно обзываемъ его пьяницей. Но отъ того ли, что дѣло дошло уже до краю и дальше идти ему некуда, или отъ того, что самъ Богъ хранитъ еще часть народа отъ кромѣшнаго растлѣнія, питейное управленіе разсчитывать на этотъ источникъ пріумноженія государственныхъ и своихъ прибылей, по нашимъ соображеніямъ, не можетъ.

По свѣдѣніямъ, хоть нами и не провѣреннымъ, но полученнымъ изъ такого источника, въ довѣрїи къ коему мы до сихъ поръ не имѣли ни малѣйшей причины раскаяваться, не смотря на столь значительное увеличеніе за послѣдніе годы питейнаго дохода, количество употребляемаго народомъ вина не превосходило того, которое было выпито за годы предшествовавшіе.

Увеличеніе народонаселенія не можетъ, по самой природѣ дѣла, происходить въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, чтобы удержать движеніе питейнаго дохода на той же поразительной прогрессїи, какая замѣчается въ немъ за 1867–71 г. (30¹/₂ проц.).

Итакъ на будущность этого источника государственныхъ доходовъ, въ смыслѣ, нами объясненномъ, разсчитывать, по нашему убѣжденію, нельзя; уже въ 1872 г. питейный доходъ не представляетъ, какъ слышно, не только увеличенія, но даже не достигаетъ и той цифры, въ которой онъ поступилъ въ 1871 году.

Дальнѣйшее увеличеніе податей въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ оно произошло за истекшее пятилѣтіе (съ 80.000,000 до 94.000,000 на 14.500,000 р. или на 18⁰/₀), представляется еще менѣе вѣроятнымъ: такъ какъ объ увеличеніи размѣра нынѣ существующихъ прямыхъ налоговъ нельзя и подумать; естественное же увеличеніе

платящаго подати народонаселенія подняться за пять лѣтъ на 18 проц. очевидно не можетъ*).

Пособія государственному казначейству вовсе не такой источникъ, на развитіе котораго можно бы разсчитывать; увеличеніе этой статьи дохода за 1867–71 гг., съ 24.315,000 р. до 29.850,000 р., на 5.533,000 р. или почти на 23 проц., объясняется простою случайностью, именно: перечисленіемъ, по распоряженію министерства финансовъ, въ государственное казначейство изъ земскихъ сборовъ огромной суммы числившейся за ними недоимки за прежніе годы (свьше 12.000,000 р.). Правда, и за симъ въ недоимкѣ за земскими сборами остается около 7.000,000 р.; но это только единовременный доходъ, а не постоянный источникъ поступленій, такъ что, съ пополненіемъ этой недоимки, государственному казначейству нечего ожидать отъ земскихъ сборовъ, кромѣ исправнаго перечисленія изъ нихъ слѣдующихъ по закону каждый годъ суммъ.

Наконецъ, обратныя поступленія не могутъ быть приняты въ настоящемъ случаѣ въ расчетъ, потому что, по самому характеру сихъ доходовъ, имъ соотвѣтствуетъ равная сумма расходовъ; а потому отъ увеличенія ихъ размѣра казнѣ нѣтъ

*) а° іа оу ē~†аі°, іоіа-іо, уо,о, ~уо, о: еаі° іаі аі° оеоуаі°
 о ніі° і: і†іо,о, іо,оу: оуі° °у,оф іо, °ф .іаоуфі° ф і†%аē%° і†
 о ē †~аі а о а%оу, °ооу%† оу,аі і†,о і†аі†~аеоу, †, іо °уо оеа еіоа %: іо,
 о іоуо оі: уаоа , іа~а,о ē ,о,о еу.

никакой выгоды, какъ и отъ уменьшенія не было бы никакого ущерба.

Остается, слѣдовательно, изъ всѣхъ выше поименованныхъ пяти статей государственнаго дохода только одинъ таможенный сборъ, которому можетъ предстоять еще усиленное развитіе, — но, конечно, не такое, чтобы излишки этихъ поступленій могли возмѣстить собою неизбежную, по видимому, пріостановку въ дальнѣйшемъ возвышеніи другихъ выше поименованныхъ статей, преимущественно остановку роста питейнаго дохода.

Конечно, и кромѣ таможеннаго дохода, есть въ государственной росписи многія другія статьи, по которымъ нельзя не предвидѣть въ будущемъ возвышенія; но во 1-хъ, возвышеніе это подвигается слишкомъ медленно, и съ питейнымъ доходомъ ни одна изъ этихъ статей не можетъ идти ни въ какое сравненіе; во 2-хъ, нужно вспомнить и о томъ, что рядомъ съ повышающимися поступлениями неизбежно встрѣчаются и будутъ встрѣчаться доходы, склонные къ пониженію.

А между тѣмъ расходы растутъ, какъ выше показано, съ ужасающей быстротой и, какъ кажется, ни одинъ изъ такихъ расходовъ, которые имѣютъ замѣтное значеніе для государственной росписи, не оказываетъ ни

малѣйшей склонности къ пониженію, а всѣ дружно, одинъ передъ другимъ, стремятся къ верху: во 1-хъ, потому, что цѣны на большую часть предметовъ потребленія, неудержимо и неумѣренно, годъ отъ году, возрастаютъ, во 2-хъ, потому, что есть много такихъ совершенно неизбѣжныхъ расходовъ, которые, за скудостію средствъ государственнаго казначейства, долгое время отсрочивались и для которыхъ наступила наконецъ пора удовлетворенія (таковы, на примѣръ, еще весьма многія потребности министерства народнаго просвѣщенія), въ 3-хъ, наконецъ, потому, что у многихъ управленій есть чисто эгоистическій обычай — знать и помнить только свои нужды и, въ пылу заботы объ ихъ удовлетвореніи, забывать весь остальной міръ, не говоря уже о бѣдномъ государственномъ казначействѣ, которое, гдѣ хочешь возьми, а имъ вынь да положь, по русской пословицѣ: хоть ялова, да телись.

Первая изъ этихъ трехъ причинъ увеличенія государственныхъ расходовъ неотвратима: цѣны будутъ возрастать и на будущее время, что бы противъ этого ни предпринимали. Конечно, то безумное, чисто грабительское увеличеніе цѣнъ, — которое иногда постигаетъ насъ, — то на одинъ, то на другой предметъ потребленія, вовсе не такое зло, противъ котораго уже не было бы

никакихъ средствъ. Но даже и въ томъ случаѣ, еслибы мы оказались способными къ изысканію этого рода средствъ и не предавали бы себя и другъ друга въ волю Божию, когда нужно пошевелить пальцемъ, — все-таки дальнѣйшее возвышеніе цѣнъ, въ общей сложности, есть дѣло неотвратимое.

Противъ второй причины вооружаться очень трудно и, въ концѣ концовъ, весьма вредно во всѣхъ смыслахъ. Какъ, на примѣръ, рѣшиться предложить министерству народнаго просвѣщенія, чтобы оно повременило принимать мѣры къ устройству первоначальнаго народнаго образованія, когда и безъ того всѣ сроки уже пропущены и намъ давно бы слѣдовало сторѣть со стыда, еслибы только мы были немножко постыдливѣе?

Остается, слѣдовательно, третья причина увеличенія заносимыхъ въ финансовыя смѣты расходовъ, противъ которой и можно, и всемѣрно должно бороться, дабы достигнутое послѣ столь долготѣныхъ усилій равновѣсіе между доходами и расходами государства не уступило опять мѣста безобразному дефициту. Чтобы показать, какъ недалеко еще ушла отъ насъ подобная опасность, мы опять сошлемся на полученныя нами изъ выше упомянутаго источника свѣдѣнія, изъ коихъ видно: 1) что исчисленные первоначально по

смѣтамъ всѣхъ управленій на 1873 г. расходы оказались въ итогѣ болѣе вычисленныхъ по тѣмъ же смѣтамъ доходовъ, круглымъ числомъ, на 14.300,000 руб., а именно: расходовъ заявлено на 521.500,000 р., а доходовъ занесено 507.200,000 р.; и 2) что только напряженными усиліями государственнаго совѣта и другихъ разсматривающихъ финансовыя смѣты учреждений*) государственная роспись на 1873 г. сведена съ незначительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, которое могло бы быть и нѣсколько побольше, если бы изъ оказавшагося, лишь при окончательномъ сведеніи росписи, запаса средствъ не было рѣшено назначить извѣстную сумму на удовлетвореніе неотложныхъ потребностей министерства народнаго просвѣщенія.

Закключаемъ тѣмъ же, чѣмъ начали: привѣтствіемъ благополучному началу наступившаго года, къ которому присоединяемъ искреннее, изъ глубины души идущее желаніе,

) Нѣтъ ли въ этомъ случаѣ, гдѣ бы то ни было, о томъ, что въ 1873 г. въ росписи на 1873 г. расходы оказались въ итогѣ болѣе вычисленныхъ по тѣмъ же смѣтамъ доходовъ, круглымъ числомъ, на 14.300,000 руб., а именно: расходовъ заявлено на 521.500,000 р., а доходовъ занесено 507.200,000 р.; и 2) что только напряженными усиліями государственнаго совѣта и другихъ разсматривающихъ финансовыя смѣты учреждений) государственная роспись на 1873 г. сведена съ незначительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, которое могло бы быть и нѣсколько побольше, если бы изъ оказавшагося, лишь при окончательномъ сведеніи росписи, запаса средствъ не было рѣшено назначить извѣстную сумму на удовлетвореніе неотложныхъ потребностей министерства народнаго просвѣщенія.

чтобы его конецъ оказался не хуже начала; чтобы Божіе благословеніе почило надъ народнымъ трудомъ, питающимъ государство, и умножило его производительность; чтобы потъ, а можетъ быть и слезы, трудящихся и платящихъ постоянно и ясно представлялись воображенію тѣхъ, кто призванъ распоряжаться плодами трудовъ и жертвъ народа, и воздерживали ихъ не только отъ намѣренной, ни въ какомъ уже случаѣ непростительной небрежливости, но и отъ неумышленной неосмотрительности въ расходованіи такимъ путемъ добываемыхъ средствъ; чтобы, наконецъ, не въ этихъ только, хотя въ высшей степени важныхъ, но все же, однако, сравнительно низшаго, вещественнаго порядка дѣлахъ, но и въ высшихъ нравственныхъ проявленіяхъ народной жизни, начинащій годъ: ознаменовался въ своемъ теченіи какимъ нибудь спасительнымъ поворотомъ къ лучшему и чтобы въ той вѣковѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ, на которую осуждена исторія и въ которой, по нашимъ счетамъ, замѣчается весьма тревожный дефицитъ, также достигнуто было хотя бы успокоительное равновѣсіе, если уже нѣтъ надежды рассчитывать на рѣшительный перевѣсъ добра.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ,

I.

Вступленіе.

Двадцатаго декабря я узналъ что уже все рѣшено, и что я редакторъ „Гражданина“. Это чрезвычайное событіе, т. е., чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), — произошло однако довольно просто. Двадцатаго декабря я какъ разъ читалъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“ о бракосочетаніи китайскаго императора; она оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Это великолѣпное и повидимому весьма сложное событіе произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмотрѣно и опредѣлено еще за тысячу лѣтъ, до послѣдней подробности, почти въ двухстахъ томахъ церемоній. Сравнивь громадность китайскаго событія съ моимъ назначеніемъ въ редакторы, — я вдругъ почувствовалъ неблагодарность къ отечественнымъ установленіямъ, не смотря на то, что меня такъ легко утвердили и подумалъ, что намъ, т. е. мнѣ и князю Мещерскому, въ Китаѣ было бы несомнѣнно выгоднѣе, чѣмъ здѣсь, издавать „Гражданина“. Тамъ все такъ ясно... Мы оба предстали бы въ назначенный день въ тамошнее главное управленіе во дѣламъ печати.

Стукнувшись лбами объ полъ и полизавъ полъ языкомъ, мы бы встали и подняли наши указательные персты передъ собою, почтительно склонивъ головы. Главноуправляющій по дѣламъ печати, конечно, сдѣлалъ бы видъ что не обращаетъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, какъ на влетѣвшихъ мухъ. Но всталъ бы третій помощникъ третьяго его секретаря и держа въ рукахъ дипломъ о моемъ назначеніи въ редакторы, произнесъ бы намъ внушительнымъ, но ласковымъ голосомъ опредѣленное церемоніями наставленіе. Оно было бы такъ ясно и такъ понятно, что обоимъ намъ было бы неимовѣрно пріятно слушать. На случай, еслибъ я въ Китаѣ былъ такъ глупъ и чистъ сердцемъ, что, приступая къ редакторству и сознавая слабость моихъ способностей, ощутилъ бы въ себѣ страхъ и угрызенія совѣсти, — мнѣ бы тотчасъ же было доказано что я вдвое глупъ питая такія чувства. Что именно съ этого момента мнѣ вовсе не надо ума, еслибъ даже и былъ; напротивъ того, несравненно благонадежнѣе если его нѣтъ вовсе. И ужъ безъ сомнѣнія это было бы весьма пріятно выслушать. Заключивъ прекрасными словами: „Иди, редакторъ, отнынѣ ты можешь ѣсть рисъ и пить чай съ новымъ спокойствіемъ твоей совѣсти“, третій помощникъ третьяго секретаря вручилъ бы мнѣ красивый

дипломъ, напечатанный на красномъ атласѣ золотыми литерами, князь Мещерскій далъ бы полновѣсную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчасъ же бы издали великолѣпнѣйшій № „Гражданина“, такой, какого здѣсь никогда не издадимъ. Въ Китаѣ мы бы издавали отлично.

Подозрѣваю однако, что въ Китаѣ князь Мещерскій непременно бы со мною схитрилъ, пригласивъ меня въ редакторы наиболѣе съ тою цѣлью, чтобъ я замѣнялъ его лицо въ главномъ управленіи по дѣламъ печати каждый разъ, когда бы его приглашали туда получать удары по пятамъ бамбуковыми дощечками. Но я перехитрилъ бы его: я бы тотчасъ пересталъ печатать „Бисмарка“, самъ же, напротивъ, сталъ отлично писать статьи, — такъ что къ бамбуку призывали бы меня всего лишь черезъ нумерь. За то я бы выучился писать.

Въ Китаѣ я бы отлично писалъ; здѣсь это гораздо труднѣе. Тамъ все предусмотрѣно и все рассчитано на тысячу лѣтъ; здѣсь же все вверхъ дномъ на тысячу лѣтъ. Тамъ я даже по неволѣ писалъ бы понятно; такъ что не знаю кто бы меня сталъ и читать. Здѣсь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднѣе писать непонятно. Только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ передовыя статьи пишутся въ полтора столбца и — къ удивленію — понятно; да и то если принадлежать

извѣстному перу. Въ „Голосѣ" онѣ пишутся въ восемь, въ десять, въ двѣнадцать и даже въ тринадцать столбцовъ. И такъ вотъ сколько надо здѣсь истратить столбцовъ, чтобы заставить уважать себя.

У насъ говорить съ другими — наука, т. е., съ перваго взгляда, пожалуй также какъ и въ Китаѣ; какъ и тамъ, есть нѣсколько очень упрощенныхъ и чисто научныхъ приѣмовъ. Прежде, напримѣръ, слова: „я ничего не понимаю" означали только глупость произносившаго ихъ; теперь же приносятъ великую честь. Стоитъ лишь произнести съ открытымъ видомъ и съ гордостью: „Я не понимаю религіи, я ничего не понимаю въ Россіи, я ровно ничего не понимаю въ искусствѣ" — и вы тотчасъ же ставите себя на отмѣнную высоту. И это особенно выгодно, если вы въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаете.

Но этотъ упрощенный приѣмъ ничего не доказываетъ. Въ сущности у насъ каждый подозрѣваетъ другаго въ глупости, безо всякой задумчивости и безо всякаго обратнаго вопроса на себя: „да ужъ не я ли это глупъ въ самомъ дѣлѣ?" Положеніе вседовольное, и однако же никто не доволенъ имъ, а всѣ сердятся. Да и задумчивость въ наше время почти невозможна: дорого стоитъ. Правда, покупаютъ готовые идеи. Онѣ продаются вездѣ, даже даромъ; но даромъ

то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. Въ результатъ никакой выгоды и по прежнему безпорядокъ.

Пожалуй, мы тотъ же Китай, но только безъ его порядка. Мы едва лишь начинаемъ то, что въ Китаѣ уже оканчивается. Несомнѣнно придемъ къ тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томовъ „Церемоній“ съ тѣмъ, чтобы уже окончательно выиграть право ни о чемъ не задумываться, — намъ надо прожить по крайней мѣрѣ еще тысячелѣтїе задумчивости. И что же — никто не хочетъ ускорить срокъ, потому что никто не хочетъ задумываться.

Правда и то: если никто не хочетъ задумываться, то, казалось бы, тѣмъ легче русскому литератору. Да, легче дѣйствительно; и горе тому литератору и издателю, который въ наше время задумывается. Еще горше тому кто самъ захотѣлъ бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявить объ этомъ искренно; а если заявить что уже капельку понялъ и желаетъ высказать свою мысль, то немедленно всѣми оставляется. Ему остается лишь подыскать какого нибудь одного подходящаго человѣчка, или даже нанять его, и только съ нимъ однимъ и разговаривать; можетъ быть для него одного и журналъ издавать. Положеніе омерзительное, ибо это все равно что

говорить самому съ собой и издавать журналъ для собственнаго удовольствія. Я сильно подозрѣваю, что „Гражданину“ еще долго придется говорить самому съ собой для собственнаго удовольствія. Взять уже то, что по медицинѣ разговоръ съ собой обозначаетъ предрасположеніе къ помѣшательству. „Гражданинъ“ долженъ непременно говорить съ гражданами и вотъ въ томъ вся бѣда его!

И такъ вотъ къ какому изданію я приобщилъ себя. Положеніе мое въ высшей степени неопредѣленное. Но буду и я говорить самъ съ собой и для собственнаго удовольствія, въ формѣ этого дневника, а тамъ что-бы ни вышло. Объ чемъ говорить? Обо всемъ что поразитъ меня или заставитъ задуматься. Если же найду читателя и, Боже сохрани, оппонента, то понимаю что надо умѣть разговаривать и знать съ кѣмъ и какъ говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у насъ это всего труднѣе, т. е. въ литературѣ. Къ тому же и оппоненты бываютъ различные; не со всякимъ можно начать разговоръ. Расскажу одну басню, которую слышалъ на дняхъ. Говорятъ что басня древняя, чуть не индійскаго происхожденія, что весьма утѣшительно.

Однажды свинья поспорила со львомъ и вызвала его на дуэль. Воротясь домой,

одумалась и струсилась. Собралось все стадо, подумали и рѣшили такъ:

— Видишь, свинья, тутъ у насъ по близости есть одна яма; поди, вываляйся въ ней хорошенько и явись такъ на мѣсто. Увидишь.

Свинья такъ и сдѣлала. Левъ пришелъ, понюхалъ, поморщился и пошелъ прочь. Долго еще потомъ свинья хвалилась что левъ струсилъ и убѣждалъ съ поля битвы.

Вотъ басня. Конечно, львовъ у насъ нѣтъ, — не по климату, да и слишкомъ величественно. Но поставьте вмѣсто льва порядочнаго человѣка, какимъ каждый обязанъ быть, и нравоученіе выйдетъ тоже самое.

Кстати расскажу еще присказку:

Однажды, разговаривая съ покойнымъ Герценомъ, я очень хвалилъ ему одно его сочиненіе, — „Съ того берега“. Объ этой книгѣ, къ величайшему моему удовольствію, съ похвалой отнесся и Михаилъ Петровичъ Погодинъ въ своей превосходной и любопытнѣйшей статьѣ о свиданіи его за границей съ Герценомъ. Эта книга написана въ формѣ разговора двухъ лицъ, Герцена и его оппонента.

— И мнѣ особенно нравится, замѣтилъ я между прочимъ, что вашъ оппонентъ то же очень

умень. Согласитесь что онъ васъ во многихъ случаяхъ ставить къ стѣнѣ.

— Да вѣдь въ томъ-то и вся штука, засмѣялся Герценъ. Я вамъ расскажу анекдотъ. Разъ, когда я былъ въ Петербургѣ, затащилъ меня къ себѣ Бѣлинскій и усадилъ слушать свою статью, которую горячо писалъ: „Разговоръ между господиномъ А. и господиномъ Б.“ (Вошла въ собраніе его сочиненій). Въ этой статьѣ господинъ А., т. е., разумѣется, самъ Бѣлинскій, — выставленъ очень умнымъ, а господинъ Б., его оппонентъ, поплоче. Когда онъ кончилъ, то съ лихорадочнымъ ожиданіемъ спросилъ меня:

— Ну что, какъ ты думаешь?

— Да хорошо то хорошо и видно что ты очень умень, но только охота тебѣ была съ такимъ дуралеемъ свое время терять.

Бѣлинскій бросился на диванъ, лицомъ въ подушку, и закричалъ, смѣясь что есть мочи:

— Зарѣзаль! Зарѣзаль!

II.

Старые люди.

Этотъ анекдотъ о Бѣлинскомъ напомнилъ мнѣ теперь мое первое вступленіе на литературное

поприще, Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому назадъ; грустное, роковое для меня время. Мнѣ именно припомнился самъ Бѣлинскій, какимъ я его тогда встрѣтилъ и какъ онъ меня тогда встрѣтилъ. Мнѣ часто припоминаются теперь старые люди, конечно потому что встрѣчаюсь съ новыми. Это была самая восторженная личность изъ всѣхъ мнѣ встрѣчавшихся въ жизни. Герцень былъ совсѣмъ другое: то былъ продуктъ нашего барства, *gentilhomme russe et citoyen du monde* прежде всего, — типъ явившійся только въ Россіи и который нигдѣ кромѣ Россіи не могъ явиться. Герцень не эмигрировалъ, не полагалъ начало русской эмиграціи; — нѣтъ, онъ такъ ужъ и родился эмигрантомъ. Они всѣ, ему подобные, такъ прямо и рождались у насъ эмигрантами, хотя большинство ихъ и не выѣзжало изъ Россіи. Въ полтора ста лѣтъ предыдущей жизни русскаго барства, за весьма малыми исключеніями, истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи его съ русской почвой и съ русской правдой. Герцену какъ будто сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣлясь отъ народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные изъ

нихъ стали атеистами; вялые и спокойные—индифферентными. Къ русскому народу они питали лишь одно презрѣніе, воображая и вѣруя въ то же время что любятъ его и желаютъ ему всего лучшаго. Но они любили его отрицательно, воображая вмѣсто него какой-то идеальный народъ, — какимъ-бы долженъ быть по ихъ понятіямъ русскій народъ. Этотъ идеальный народъ невольно воплощался тогда у иныхъ передовыхъ представителей большинства въ парижскую чернь девяносто третьяго года. Тогда это былъ самый плѣнительный идеалъ народа. Разумѣется, Герценъ долженъ былъ стать социалистомъ и именно какъ русскій баричъ, то есть безо всякой нужды и цѣли, а изъ одного только „логическаго теченія идей" и отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества; отрицалъ семейство и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность, а въ ожиданіи успѣлъ устроить дѣла свои, и съ удовольствіемъ ощущалъ за границей свою обеспеченность. Онъ заводилъ революціи и подстрекалъ къ нимъ другихъ и въ то же время любилъ комфортъ и семейный покой. Это былъ художникъ, мыслитель, блестящій писатель, чрезвычайно начитанный человекъ, остроумецъ, удивительный собесѣдникъ (говорилъ онъ даже лучше, чѣмъ

писаль) и великолѣпный рефлектёръ. Рефлексія, способность сдѣлать изъ самаго глубокаго своего чувства объектъ, поставить его передъ собою, поклониться ему и сейчасъ же, пожалуй, и насмѣяться надъ нимъ, — была въ немъ развита въ высшей степени. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ необыкновенный; но чѣмъ бы онъ ни былъ, — писалъ-ли свои записки, издавалъ-ли журналъ съ Прудономъ, выходилъ-ли въ Парижѣ на баррикады, (что такъ комически описалъ въ своихъ запискахъ); страдалъ-ли, радовался-ли, сомнѣвался-ли; посылалъ-ли въ Россію, въ шестьдесятъ третьемъ году, въ угоду полякамъ свое воззваніе къ русскимъ революціонерамъ, въ тоже время не вѣря полякамъ и зная, что они его обманули, зная, что своимъ воззваніемъ онъ губить сотни этихъ несчастныхъ молодыхъ людей; съ наивною ли неслыханною признавался въ этомъ самъ въ одной изъ позднѣйшихъ статей своихъ, даже и не подозрѣвая, въ какомъ свѣтѣ самъ себя выставляетъ такимъ признаніемъ — всегда, вездѣ и во всю свою жизнь онъ, прежде всего, былъ *gentilhomme russe et citoyen du monde*, по просту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое онъ ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ, не по отцу только, а именно чрезъ разрывъ съ родной землей и съ ея идеалами. Бѣлинскій напротивъ,

Бѣлинскій былъ вовсе не gentilhomme, — о, нѣтъ. (Онъ Богъ знаетъ отъ кого происходилъ. Отецъ его былъ, кажется, военнымъ лекаремъ).

Бѣлинскій былъ по преимуществу не рефлексивная личность, а именно беззавѣтно восторженная, всегда и во всю его жизнь. Первая повѣсть моя „Бѣдные Люди“ восхитила его (потомъ, почти годъ спустя, мы разошлись — отъ разнообразныхъ причинъ, весьма впрочемъ неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ); но тогда, въ первые дни знакомства, привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру. Я нисколько не преувеличиваю его горячаго влеченія ко мнѣ, по крайней-мѣрѣ въ первые мѣсяцы знакомства. Я засталъ его страстнымъ социалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала прямо съ знаменательнаго заявленія: „мы прежде всего общество атеистическое“, т. е., начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій. Выше всего цѣня разумъ, науку и реализмъ, онъ въ то же время понималъ глубже

всѣхъ, что одни: разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не социальную „гармонію“, въ которой бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему — начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы социализма (который однако не указалъ до сихъ поръ ни единой, кромѣ гнусныхъ извращеній природы и здраваго смысла) онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ. Но какъ социалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непременно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности — онъ отрицалъ радикально. (Замѣчу, что онъ былъ тоже хорошимъ мужемъ и отцомъ какъ и Герцень). Безъ сомнѣнія онъ понималъ, что отрицая нравственную отвѣтственность личности онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ и свободу ея; но онъ вѣрилъ всѣмъ существомъ своимъ (гораздо слѣпѣе Герцена, который, кажется, подконецъ усумнился), что социализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ возстановляетъ ее въ неслыханномъ величій, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ.

Тутъ оставалась однако сіяющая личность самого Христа, съ которою всего труднѣе было бороться. Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но въ непрерывномъ, неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и предъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ какъ остановился Ренанъ, провозгласившій въ своей полной безвѣріи книгѣ *Vie de Jesus*, что Христосъ все таки есть идеаль красоты человѣческой, типъ недостижимый, которому нельзя уже болѣе повториться даже и въ будущемъ.

— Да знаете-ли вы, взвизгивалъ онъ разъ вечеромъ (онъ иногда какъ-то взвизгивалъ, если очень горячился), обращаясь ко мнѣ, знаете-ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи человѣку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество такъ подло устроено, что человѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству и что нелѣпо и жестоко требовать съ

человѣка того, чего уже по законамъ природы не можетъ онъ выполнить, еслибъ даже хотѣлъ...

Въ этотъ вечеръ мы были не одни; присутствовалъ одинъ изъ друзей Бѣлинскаго, котораго онъ весьма уважалъ и во многомъ слушался; былъ тоже одинъ молоденькій, начинающій литераторъ, заслужившій потомъ извѣстность въ литературѣ.

— Мнѣ даже умилительно смотрѣть на него, прервалъ вдругъ свои яростныя восклицанія Бѣлинскій, обращаясь къ своему другу и указывая на меня: каждый-то разъ, когда я вотъ такъ помяну Христа, у него все лицо измѣняется, точно заплакать хочетъ... Да, повѣрьте же, наивный вы человѣкъ, набросился онъ опять на меня, повѣрьте же, что вашъ Христосъ, если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества.

— Ну, нѣ-ѣ-ѣтъ! подхватилъ другъ Бѣлинскаго. (Я помню, мы сидѣли, а онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ) — ну, нѣтъ: если бы теперь появился Христосъ, Онъ бы примкнулъ къ движенію и сталъ во главѣ его...

— Ну да, ну да, вдругъ и съ удивительною поспѣшностью согласился Бѣлинскій. Онъ бы

именно примкнулъ къ социалистамъ и пошелъ за ними.

Эти двигатели человечества, къ которымъ предназначалось примкнуть Христу, были тогда все французы: прежде всѣхъ Жоржъ-Зандъ, теперь совершенно забытый Кабетъ, Пьеръ Леру и Прудонъ, тогда еще только начинавшій свою дѣятельность. Этихъ четырехъ, сколько припомню, всего болѣе уважалъ тогда Бѣлинскій. Фурье уже далеко не такъ уважался. Объ нихъ толковалось у него по цѣлымъ вечерамъ. Былъ тоже одинъ нѣмецъ, передъ которымъ тогда онъ очень склонялся — Фейербахъ. (Бѣлинскій, не могшій во всю жизнь научиться ни одному иностранному языку, произносилъ: Фіербахъ). О Штраусѣ говорилось съ благоговѣніемъ.

При такой теплой вѣрѣ въ свою идею, это былъ, разумѣется, самый счастливѣйшій изъ людей. О, напрасно писали потомъ, что Бѣлинскій, еслибъ прожилъ долѣше, примкнулъ бы къ славянофильству. Никогда бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій можетъ быть кончилъ бы эмиграціей, если бы прожилъ долѣше и еслибы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь, маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ, съ прежнею теплой вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣнибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи,

или примкнулъ бы адъютантомъ къ какой нибудь нѣмецкой М-me Гѣггъ, на побѣгушкахъ по какому нибудь женскому вопросу.

Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствіемъ совѣсти, иногда впрочемъ очень грустилъ; но грусть эта была особаго рода, — не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о, нѣтъ, — а вотъ почему не сегодня, почему не завтра? Это былъ самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи. Разъ я встрѣтилъ его утромъ, часа въ три по полудни, у Знаменской церкви. Онъ сказалъ мнѣ, что выходилъ гулять и идетъ домой.

— Я сюда часто захожу взглянуть какъ идетъ постройка (вокзала Николаевской желѣзной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тѣмъ сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконецъ-то и у насъ будетъ хоть одна желѣзная дорога. Вы не повѣрите, какъ эта мысль облегчаетъ мнѣ иногда сердце.

Это было горячо и хорошо сказано; Бѣлинскій никогда не рисовался. Мы пошли вмѣстѣ. Онъ, помню, сказалъ мнѣ дорогою:

— А вотъ какъ зароятъ въ могилу (онъ зналъ, что у него чахотка), тогда только спохватятся и узнаютъ кого потеряли.

Въ послѣдній годъ его жизни я уже не ходилъ къ нему. Онъ меня не влюбилъ, но я страстно

принялъ тогда все ученіе его. Еще годъ спустя, въ Тобольскѣ, когда мы, въ ожиданіи дальнѣйшей участи, сидѣли въ острогѣ на пересыльномъ дворѣ, жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его тайное свиданіе съ нами. Мы увидѣли этихъ великихъ страдалицъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями въ Сибирь. Онѣ бросили все, знатность, богатство, связи и родныхъ, всѣмъ пожертвовали для высочайшаго нравственнаго долга, самаго свободнаго долга, какой только можетъ быть. Ни въ чемъ неповинныя, онѣ въ долгія двадцать пять лѣтъ перенесли все, что перенесли ихъ осужденные мужья. Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждого одѣлили евангеліемъ — единственная книга, позволенная въ острогѣ. Четыре года пролежала она подъ моей подушкой въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда и читалъ другимъ. По ней выучилъ читать одного каторжнаго. Кругомъ меня были именно тѣ люди, которые, по вѣрѣ Бѣлинскаго, не могли не сдѣлать своихъ преступленій, а стало быть были правы и только несчастнѣе, чѣмъ другіе. Я зналъ, что весь русскій народъ называетъ насъ тоже „несчастливыми“ и слышалъ это названіе множество разъ и изъ множества устъ. Но тутъ было что-то другое, совсѣмъ не то, о чемъ

говориль Бѣлинскій и что слышится, напримѣръ теперь въ иныхъ приговорахъ нашихъ присяжныхъ. Въ этомъ словѣ „несчастные“, въ этомъ приговорѣ народа, звучала другая мысль. Четыре года каторги была длинная школа; я имѣлъ время убѣдиться... Теперь именно объ этомъ хотѣлось бы поговорить.

Ф. Достоевскій.

ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ БИСМАРКОВЪ.

Часть третья и послѣдняя.

ГЛАВА I.

ГРАФЪ ОБЕЗЪЯНИНОВЪ НА ДУХУ.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ графъ Обезьяниновъ былъ назначенъ градоначальникомъ Камарина.

Въ Камаринѣ наступила весна. Была страстная недѣля. Графъ Обезьяниновъ говѣлъ, и вмѣстѣ съ нимъ говѣла вся камаринская знать, за три года до этого говѣвшая всегда на четвертой недѣлѣ, по той простой причинѣ, что четвертая недѣля была крестопоклонная, и что эту крестопоклонную недѣлю прежній градоначальникъ очень любилъ и посвящалъ всегда на говѣніе.

Во вторникъ вечеромъ, послѣ всенощной, выслушанной въ соборѣ, графъ, по обычаю, велѣлъ кучеру ѣхать къ Вѣрѣ Осиповнѣ.

Что же случилось съ нею въ эти два года? Неужели ей не удалось сдѣлаться графинею? Нѣтъ, не удалось, и опять—же по весьма простой причинѣ. Въ ту пору, когда, годъ назадъ, графъ Обезьяниновъ не на шутку задумалъ на ней жениться, ибо родился у Вѣры Осиповны сынъ, а сына этого въ клубѣ самъ мужъ Вѣры Осиповны назвалъ произведеніемъ графа, въ ту именно пору графъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ дяди, въ которомъ по французски было написано, между прочимъ, слѣдующее: „я слышалъ, что ты собираешься жениться на какой то замужней женщинѣ, провинціалкѣ: Боже тебя упаси отъ такой глупости. Уже въ высшихъ сферахъ объ этомъ ходятъ слухи, и твоя карьера весьма легко отъ такой глупости можетъ быть навсегда испорчена. Живи съ этою женщиною сколько хочешь, приживай дѣтей хоть дюжину, но о бракѣ съ нею не помышляй, ибо придетъ время, когда ты самъ почувствуешь, что твоя Вѣра Осиповна не можетъ быть графинею Обезьяниновою. Кромѣ того, знай, что если ты женишься, я тебя лишаю наслѣдства, а наслѣдство послѣ меня не бездѣлица: только шестьдесятъ тысячъ дохода: хватить на что

обеспечить твоихъ мармузе — если таковые окажутся вслѣдствіе твоей нынѣшней связи".

Послѣдній аргументъ — угроза лишенія наслѣдства былъ такъ убѣдителенъ, что графъ не только самъ убѣдился въ его практической непреложности, но отчасти успѣлъ убѣдить и Вѣру Осиповну, доказавъ ей, что онъ наслѣдствомъ дяди обеспечиваетъ участь родившагося и имѣющихъ родиться дѣтей, а въ вящее убѣжденіе подписалъ на имя Вѣры Осиповны долговую росписку въ пятьдесятъ тысячъ рублей. Мужъ же Вѣры Осиповны, получивъ разводную окончательно, какъ уличенный при свидѣтеляхъ въ развратной жизни, въ тоже время получилъ мѣсто окружнаго надзирателя въ хорошемъ уѣздѣ, и почелъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Слѣдующаго года, на 4-й недѣлѣ поста, родился второй сынъ у Вѣры Осиповны, котораго графъ Обезьяниновъ, изъ особенной любви къ святому Пимену назвалъ Пименомъ, вслѣдствіе чего въ метрическихъ книгахъ города Камарина, въ промежутокъ времени между 4-ю и 7-ю недѣлями поста оказалось записанными цѣлыхъ три вновь родившихся Пимена: одинъ у Вѣры Осиповны, другой у предсѣдателя казенной палаты и третій у частнаго пристава.

Имя Пимена сдѣлалось *a la mode*.

И такъ графъ Обезьяниновъ поѣхалъ во вторникъ на страстной недѣлѣ, вечеромъ, къ Вѣрѣ Осиповнѣ, чай кушать, кое о чемъ потолковать и позаняться тамъ кое-какими государственными дѣлами.

Пріѣхавъ къ Вѣрѣ Осиповнѣ, графъ засталъ тамъ помощника почтмейстера въ передней, и получилъ отъ него конвертъ, на которомъ написано было: „весьма нужное” и „въ собственныя руки”. Письмо это было отъ дяди.

Графъ взялъ конвертъ, отпустилъ помощника почтмейстера, велѣлъ послать сказать, чтобы правитель канцеляріи явился съ нужными бумагами, и затѣмъ вошелъ къ Вѣрѣ Осиповнѣ въ великолепно убранный будуаръ; поцаловавъ ее въ лобъ, по обычаю, графъ сѣлъ въ кресло возлѣ нея и распечаталъ конвертъ. По мѣрѣ чтенія, лицо его какъ будто слегка принимало пріятно улыбающеесяея выраженіе.

— Что это, спросила Вѣра Осиповна, ужъ не невѣсту ли тебѣ нашли?

— Какое невѣста, сказалъ графъ: на, читай, и протянувъ письмо Вѣрѣ Осиповнѣ, самъ началъ вытягиваться на креслѣ, и затѣмъ закурилъ сигару.

Письмо это было не длинно, а потому мы приведемъ его цѣликомъ.

„Христось воскресь, мой дорогой градоначальникъ. Сейчасъ я видѣль М.; онъ сказалъ мнѣ, что ты награжденъ къ пасхѣ такъ, какъ ты ожидать не можешь: это сюрпризъ и для тебя и для меня. Вообще, могу тебѣ сказать на ухо: о тебѣ говорятъ, — это очень хорошій знакъ, твой послѣдній отчетъ замѣчательнъ, и если все такъ пойдетъ, какъ идетъ, то я не отчаяваюсь тебя, въ тридцать—два года, увидѣть во главѣ чего нибудь по серьезнѣе твоего Камарина, тѣмъ болѣе что, какъ нарочно, у насъ ходятъ слухи о большихъ перемѣнахъ въ высшихъ сферахъ, и Д. не совсѣмъ неприятно улыбается, когда я ему говорю: *mon cher, il est temps de penser a mon neveu, vous le faites pourrir dans son Камарино.*

Обнимаю тебя. Въсто краснаго яйца получишь отъ меня двадцать тысячъ рублей, на крестины твоего второго батара... *Monsieur le Gradanatchalnik ne perd pas son temps*".

— Какая же это награда, — спросила Вѣра Осиповна, — неужели лента?

— Не знаю, душа моя; я къ наградамъ равнодушенъ.

— Ну ужъ, будто?

— Право, развѣ что нибудь особенное, напримѣръ Георгія получить или тамъ Владиміра, но эти Станиславы...

— А тебѣ что теперъ слѣдуетъ?

— Мнѣ? не помню, — кажется Станислава, но хотѣлось бы черезъ него перепрыгнуть. — И графъ пустилъ по воздуху обильный клубокъ дыма.

— Ну, а скажи, если правда тебя назначать куда нибудь повыше, ты...

— Знаю, знаю, что ты хочешь спросить... Сдѣлай милость, не безпокойся; ты видишь, что я тебѣ вѣренъ, и что я къ тебѣ привыкъ; всѣ тебя здѣсь уважаютъ; значить, ты можешь быть совершенно спокойна...

— Да, все это здѣсь, въ Камаринѣ, а. въ Петербургѣ...

— Въ Петербургѣ тоже самое, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ, и въ Вильнѣ... Произнося эти имена городовъ, графъ какъ будто прислушивался къ какому-то внутреннему чувству.

— А знаешь что, Вѣра? продолжалъ графъ, вытягивая ноги, и качаясь на креслѣ, со взоромъ поднятымъ къ потолку.

— Нѣтъ, не знаю.

— Я вѣдь здѣсь уже два года!

— Ну, такъ что же?

— Шутка сказать, два года въ Камаринѣ!

— Какъ любезно!

— Да, два года, продолжалъ графъ, не слыхавъ замѣчанія Вѣры Осиповны, и въ эти два года, я доказать сумѣлъ, кажется, что я не изъ глупыхъ

администраторовъ; сапристи, нѣтъ, не изъ глупыхъ; и вѣдь въ сущности, знаешь, я пришелъ къ убѣжденію, что быть умнымъ администраторомъ совсѣмъ не такъ трудно, а между тѣмъ, сколько у насъ глупыхъ администраторовъ; впрочемъ, они вездѣ есть, даже въ Германіи. При словѣ „Германіи“, графъ замолчалъ: прервалась, какъ будто, нить его мыслей; начиналась новая.

— Какъ странно, продолжалъ графъ, вчера я былъ не въ духѣ, сегодня я чувствую себя особенно какъ то въ духѣ — и невольно, при этихъ словахъ, взглядъ графа упалъ на лежавшее на столѣ дядино письмо — я не знаю, что бы я былъ способенъ сдѣлать — графъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ — я собою какъ то особенно доволенъ, я чувствую себя какъ Бисмаркъ послѣ Седана!...

— Правитель канцеляріи пришелъ, сказалъ вошедшій лакей.

— Зови, отвѣтилъ графъ.

Вошелъ нашъ знакомый Маклаковъ.

— Что, есть у васъ что нибудь нужнаго?

— Особеннаго ничего нѣтъ, а только, вотъ, ваше сіятельство, пришелъ спросить, какъ намъ отвѣчать на министерскую бумагу, насчетъ ходатайства земства?

— А, знаю, помню: отвѣчать, какъ мы отвѣчали прежде, что по мѣстнымъ политическимъ соображеніямъ, я признаю неудобнымъ согласиться съ ходатайствомъ земства, вотъ и все...

— Не будетъ ли это немного строго, отвѣчалъ Маклаковъ, такъ какъ, въ сущности, ходатайство земства, по этому предмету, не противорѣчитъ никакому закону...

— Будетъ или не будетъ — мнѣ все равно, отвѣчалъ графъ, вы знаете очень хорошо мой принципъ коренной: на всякое ходатайство земства, пока предсѣдателемъ будетъ Калугинъ, протестъ съ моей стороны; коротко и ясно.

— Слушаю-съ, но если они подадутъ въ сенатъ и сенатъ признаетъ ихъ жалобу основательною...

— Это мы еще увидимъ; а пока написать такъ, какъ я велю: журналы и бумаги къ подписанію пошлите ко мнѣ. Я буду дома сегодня около 11 часовъ. У васъ ничего особеннаго нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Просителей изволите завтра принимать?

— Завтра? Что у насъ — среда? Да! Приму, только, пожалуйста, чтобы ихъ было по меньше! Да, вотъ еще — я сегодня буду писать къ министру, — вы ничего не имѣете такого?..

— Нѣтъ, особеннаго ничего.

— Такъ до свиданія.

Маклаковъ вышелъ.

Подали чай.

— Какъ жаль, что у этого земства такъ мало правъ, а то бы я имъ показаль что значить борьба со мною, какъ съ администраторомъ, сапристи... сказалъ графъ, садясь на диванъ и принимаясь за свою чашку чая, а то такъ скучно: побѣда слишкомъ легко достается.

— Подожди, подожди, письмо это не даромъ пришло, сказала Вѣра Осиповна, откусывая сухарикъ миленькими зубками.

— Теперь—то мнѣ и нужно такое мѣсто, гдѣ бы я могъ проводить цѣлую систему администраціи, а не то что съ какимъ нибудь паршивымъ Камаринымъ возиться..

На этихъ словахъ опять прервалась нить мыслей графа, ибо, отъ неловкаго глотка чаю, онъ закашляль очень сильно и чуть было не задавился...

— Ты вѣришь въ силу человѣческой воли? спросиль графъ Обезьяниновъ, немного оправившись отъ кашля.

— Вѣрю, еще бы! отвѣтила Вѣра Осиповна, при чемъ она мысленно примѣнила этотъ вопросъ къ себѣ.

— Удивительная это вѣщь — воля, продолжалъ графъ: вотъ Бисмаркъ, напримѣръ, онъ вѣдь чѣмъ взяль? только одною силою воли; надо умѣть

сказать „хочу" и затѣмъ какія бы тамъ ни были препятствія, соображенія, все хотѣть и хотѣть, и больше ровно ничего... Я, напримѣръ, когда мнѣ предложили градоначальничество, — я что сдѣлалъ? Неужели ты думаешь, меня могло бы прельстить это мизерное званіе? совсѣмъ нѣтъ; я захотѣлъ быть администраторомъ въ полномъ смыслѣ слова.

— Ну да, министромъ, говори ужъ прямо.

— Министромъ или нѣтъ, не въ томъ дѣло, а главное, я захотѣлъ быть администраторомъ; захотѣлъ и сдѣлался — а теперь, черезъ какихъ нибудь два года, да я не знаю къ какой должности я не способенъ?! Я все вижу насквозь, и ужъ знаю людей да эту глупую матушку Россію лучше всякаго министра, ручаюсь...

И опять взглядъ графа упалъ на открытое дядино письмо, лежавшее на столѣ.

Черезъ два часа послѣ этого графъ Обезьяниновъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и принимался за письмо къ министру.

Но странная вещь, онъ никакъ не могъ начать письма, та есть, опредѣленно и точно начать съ какого нибудь предмета.

Почему же онъ не могъ?

Причина была очень проста. Графъ Обезьяниновъ чувствовалъ себя способнымъ высказать въ одно и тоже время не одну, а тысячу мыслей разомъ: на одной же онъ никакъ не могъ остановиться отчетливо, ибо всѣ казались ему одинаково важны; собственно поводомъ къ письму было встрѣтившееся недоразумѣніе между нимъ и жандармскимъ штабъ-офицеромъ, вслѣдствіе котораго графъ Обезьяниновъ намѣревался писать цѣлый трактатъ о несовмѣстности власти градоначальника съ властью этого штабъ-офицера; но едва мысль о томъ мелькнула въ головѣ графа, какъ явилась другая мысль и прогнала первую съ быстротою молніи: „а что, если я буду начальникомъ этого штабъ-офицера?.. подумалъ графъ, и затѣмъ давай соображать, какъ и что будетъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ имъ будетъ?“ „Нѣтъ, не лучше ли быть генераль-губернаторомъ... а потомъ ужъ министромъ?.. Тогда у меня будетъ знаніе Россіи... только тогда можно будетъ приняться за реформы болѣе или менѣе важныя... Что же, мнѣ можетъ быть тогда тридцать пять лѣтъ... разумѣется, враги будутъ, но вѣдь Пиль былъ первымъ министромъ Англіи гораздо моложе, и у него были враги, а какъ онъ, не смотря на то, входилъ въ парламентъ, всегда съ головою поднятою кверху... такъ и я буду входить въ

государственный совѣтъ... По всякому вопросу у меня будетъ мое мнѣніе, короткое, но ясное, а главное рѣшительное; а въ совѣтъ министровъ... сапристи, какъ я буду говорить... не хуже Бисмарка, — ужъ за это ручаюсь, потому воля... все воля, вездѣ воля, хочу!.. Въ сущности, какъ это хорошо имѣть волю... знаешь, что хочешь... А у кого, у насъ, есть воля? ни у кого... Оттого я и достигаю своихъ цѣлей такъ скоро... Что же мнѣ могутъ дать?.. анненскую ленту, а можетъ быть прямо Владиміра звѣзду?.. вѣдь такой отчетъ, какъ мой, не могъ не произвести сильнаго дѣйствія... Кто знаетъ... можетъ быть меня произведутъ въ генераль—а... Ну, а если награда эта — назначеніе какоенибудь... но куда?.. Впрочемъ и анненская лента ничего... будутъ говорить: вѣдь не всѣ получаютъ прямо, да нѣтъ... никто почти не получаетъ прямо... мимо Станислава... Впрочемъ, не въ орденахъ дѣло... я служу безкорыстно, для блага моего государства.

Часы пробили полночь...

Сапристи, пора и писать, а я еще ничего не написалъ: какъ летитъ время!..

На другой день, въ девять часовъ вечера, графъ отправился исповѣдываться въ соборъ.

У двери стояли полиціейстеръ, частный приставъ и двое полицейскихъ.

— Нельзя, говорятъ вамъ, нельзя! фу, какой народъ!..

— Да только отысповѣдываться, батюшка мой, ну на минуточку, одну только минуточку; вѣдь самъ знаешь, долго насъ не исповѣдуютъ, а отъ лавки отлучиться въ иное время нельзя, говорилъ какой-то купчикъ полицейскому.

— Нельзя, сказалъ, что нельзя! сказалъ рѣшительно частный приставъ...

Въ эту минуту подѣхала графская коляска.

Какъ нарочно, въ тотъ же мигъ, какая то дама подъ вуалью, въ великолѣпномъ соболѣемъ воротникѣ, вышла изъ церкви, и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ, кто идетъ ей на встрѣчу... но полиціейстеръ очень хорошо зналъ кто эта дама, и проводивъ графа до входныхъ дверей въ соборъ, бросился опрометью назадъ, и крикнулъ во все горло: Яковъ!

Коляска подкатила къ собору.

Подсаживаемая полиціейстеромъ и частнымъ приставомъ, дама подъ вуалью сѣла въ коляску, и тонкій голосъ ея сказалъ: „домой!“

— Домой! прокричалъ толстый голосъ полиціейстера, и коляска умчалась.

— Вотъ у насъ графъ какой, сказалъ полиціймейстеръ купчику, сами изволятъ въ соборъ ѣздить исповѣдываться.

— А госпожа то это какая?

— Помѣщица богатая, отвѣтилъ частный приставъ, не безъ лукавствія въ тонѣ.

— Никакъ долго исповѣдывалась? спросилъ купецъ.

— Завсегда ужъ долго, сказалъ полицейскій, помѣщицы всегда ужъ долго исповѣдываются, потому благочестіе имѣютъ...

— Вотъ и графъ нашъ — что за грѣхи, никакихъ и нѣтъ, а ужъ все же минутъ пять непременно происповѣдуются, сказалъ частный приставъ: и принялъ почтительную физіономию при мысли о безгрѣшности его сіятельства.

— Кто разберетъ, у кого есть, или у кого нѣтъ грѣховъ, Господь одинъ знаетъ, отвѣчалъ купчикъ, и не у такихъ господъ бывали грѣхи, да почище нашихъ...

— Да не у графа только, почтеннѣйшій: ужъ доброгъ человѣка и во всемъ Камаринѣ не сыщешь, отвѣчалъ полиціймейстеръ тономъ твердо убѣжденнаго человѣка...

Въ это время въ церкви никого не было. Графъ стоялъ одинъ за ширмою и исповѣдывался; стоялъ онъ молодцомъ, правая рука была въ заднемъ карманѣ, лѣвая у пуговиць сюртука.

— Не пренебрегали ли вашими обязанностями? спрашивалъ священникъ.

— Грѣшень, отвѣчалъ графъ и закрутилъ усы, чтобы дать себѣ, какъ говорятъ французы, une contenance.

— Не принимали ли вы на себя обязательствъ, которыхъ не исполняли?..

— Нѣтъ, особенныхъ не принималъ...

— Не мечтали ли вы слишкомъ много о себѣ?..

— Грѣшень.

— Не увлекались ли честолюбіемъ или, изъ самолюбія, не дѣлали ли зла другимъ?..

— Грѣшень...

— Не пользовались ли вы вашею властью въ обиду слабымъ?

— Нѣтъ!

Такъ исповѣдывался графъ Обезьяниновъ.

И въ церкви пустой какое то таинственное и глухое эхо все повторяло вслѣдъ за исповѣдникомъ то „нѣтъ“, то „грѣшень“.

Полиціймейстеръ ошибся только на одну минуту.

Черезъ 4 минуты послѣ начала исповѣди, графъ также легко и беззаботно выходилъ изъ собора, какъ входилъ въ него, имѣя передъ глазами не столько картину своей грѣховности, сколько панораму разныхъ, освѣщенныхъ a giorno

звѣздъ, золотыхъ эполетъ, эксельбантовъ, лентъ и тону подобное.

И лики святыхъ на иконахъ, когда графъ входилъ и выходилъ, освященные лампадами, казались ему такими скучными, безжизненными, возлѣ великолѣпной картины блеска и почестей, которая носилась въ его душѣ и перѣдъ его глазами...

— Съ освобожденіемъ отъ грѣховъ имѣю честь поздравить! сказала, сладко улыбаясь, полиціймейстеръ, подсаживая графа въ коляску.

— Домой! сказала графъ.

Вернувшись домой, графъ велѣлъ позвать Маклакова.

Пришелъ Маклаковъ.

— Послушайте, вотъ что: я, вѣроятно, завтра или послѣ завтра поѣду въ Петербургъ.

— А вы изволили получить что нибудь экстерное?

— Нѣтъ, я такъ, сообразилъ сейчасъ, ѣдучи домой, что мнѣ здѣсь на Пасхѣ нечего дѣлать; вѣроятно, я получу на Пасхѣ награду, такъ лучше ужъ за одно... Да, такъ вотъ, если у васъ есть какія нибудь экстерныя бумаги къ министру, я ихъ съ собою возьму...

— Ваше сіятельство, ужъ и меня не забудьте, если поѣдете...

— Васъ — да я вѣдь васъ представилъ.

— Нѣтъ — насчетъ того, если послѣдуетъ какое назначеніе вашего сіятельства, — ужъ сердце чуетъ, что вы не даромъ ѣдете въ Петербургъ.

Графъ усмѣхнулся, но не неприятно.

— Вездѣ, гдѣ я буду, моя канцелярія будетъ въ вашихъ рукахъ, — довольны?

— Какъ не быть довольнымъ, графъ, очень даже доволенъ.

— Никакихъ нѣтъ бумагъ особенныхъ?

— Указъ только сената съ выговоромъ вашему сіятельству...

— Съ выговоромъ — мнѣ?

— Да-съ, по дѣлу Лапиныхъ, пустое-съ.

— Ну, чортъ ихъ побери! пускай себѣ даютъ выговоры! А больше ничего?..

— Ничего такого...

Пришли доложить: почтмейстеръ.

Графъ взглянулъ на часы: было десять, въ тотъ же мигъ часы начали бить десять разъ. Съ аккуратностью этихъ часовъ почтмейстеръ стоялъ въ эту минуту у двери кабинета съ пакетомъ, по средамъ и субботамъ.

— Зови, сказалъ графъ, отпуская въ то же время правителя канцеляріи.

Почтмейстеръ вошелъ, сдѣлалъ три шага впередъ, поклонился и вручилъ графу пакетъ.

— Ничего особеннаго? спросилъ графъ.

— Ничего—съ, ваше сіятельство, письмо контролера немного рѣзко...

— Насчетъ меня?

— Не совсѣмъ—съ, а такъ вообще насчетъ администраціи камаринской. Да еще снизу замѣточка на счетъ меня, полагать надо, не совсѣмъ любезная...

— Хорошо, оставьте.

— А по большей части я все однѣ любовныя отобралъ—съ.

Почтмейстеръ удалился.

Графъ сѣлъ за столъ.

— Что, бишь я хотѣлъ такое вспомнить, началъ онъ говорить самъ себѣ, что—то припоминая: а, да, помню. — Графъ позвонилъ.

Вошелъ лакей.

— Послать въ соборъ узнать, — въ которомъ часу завтра будутъ читать правила? Лакей ушелъ.

Графъ остался одинъ передъ письмами. Онъ взялъ машинально первое письмо.

— Впрочемъ, я сейчасъ исповѣдовался, хорошо—ли это? спросилъ себя графъ. Да, но письмо контролера, кто знаетъ, можетъ быть мнѣ это нужно для соображенія... И онъ затѣмъ отыскалъ письмо контролера по списку, и началъ

его читать. Прочитавъ, сказалъ:— новаго ничего нѣтъ; кромѣ вздора, у этихъ господъ ничего нѣтъ въ головѣ. И затѣмъ отложивъ письмо, рѣшилъ, что остальные письма сегодня читать неприлично, ибо почтмейстеръ сказалъ, что все любовныя.

Пакетъ съ письмами отосланъ былъ почтмейстеру назадъ, съ надписью на конвертѣ: въ „собственныя руки” и „секретное”.

Затѣмъ графъ принялся обдумывать всѣ предположенія насчетъ поѣздки въ Петербургъ.

Потомъ, все переобдумавъ, графъ легъ спать, и улегшись въ постель, вспомнилъ, что завтра причащается. Вспомнивъ объ этомъ, онъ закрылъ глаза, перешелъ мыслію на небо, кого и что тамъ отыскалъ — неизвѣстно, но перенесшись на небо, встрѣтилъ тамъ какого то генерала, и затѣмъ сдѣлалъ рукою какое то движеніе, означавшее крестное знаменіе, и въ заключеше спросилъ себя: „что мнѣ сказать?” рѣшилъ, что достаточно сказать „Господи, помилуй”, и перевернувшись къ стѣнѣ носомъ, началъ засыпать, пока въ головѣ не то ходило какое то поле съ шевелящимися колосьями, не то волновалось море, не то небо какое то двигалось съ разными фигурами, изъ которыхъ, всетаки, генеральская фигура и анненская лента проносились всего яснѣе и чаще.

Утромъ графъ всталъ особенно въ духъ.

— Нельзя-съ, говорилъ на подъѣздѣ полицейскіи, сегодня графъ изволятъ причащаться, приѣма не будетъ.

— Какъ не будетъ! — помилуй, любезный, мнѣ очень нужно графа видѣть.

Въ это время раздался сверху внизъ электрическій звонокъ.

— Вотъ-съ сами графъ идутъ, отойдите сдѣлайте милость! Эй, подавай! засуетился полицейскій. Графъ вышелъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ графъ очень любезно.

— Я по дѣлу, ваше сіятельство, къ вамъ, очень нужно.

— Зайдите черезъ два часа!

И графъ укатилъ въ соборъ.

Въ соборѣ графъ отслушалъ правила, и за обѣднею причастился.

Послѣ обѣдни графъ вернулся къ себѣ, но не смотря на усталость, былъ въ духѣ, а потому разрѣшилъ приѣмъ просителей.

Утренній проситель подъѣзда былъ первый принять и, какъ помѣщикъ, былъ принять въ кабинетъ.

Выслушавъ просителя, по дѣлу о переводѣ двухъ крестьянскихъ усадебъ и жалобу на губернское приприсутствіе, графъ сказалъ просителю:

— Знаете что я вамъ скажу, почтеннѣйшій господинъ Жукановъ, я пришелъ къ убѣжденію, что есть дѣла, въ которыя градоначальники совсѣмъ и не должны входить; къ числу этихъ дѣлъ принадлежать всѣ крестьянскія дѣла по введенію положенія 19 февраля; ну, скажите, какое мнѣ дѣло, что у васъ былъ данъ такой надѣлъ, а теперь другой... все это важно было прежде, а теперь не угодно ли вѣдаться съ губернсимъ присутствіемъ.

— Да помилуйте, ваше сіятельство, съ кѣмъ же мнѣ вѣдаться! вѣдь вы изволите быть предсѣдателемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, вѣдь мое дѣло — это вопіющее дѣло, меня просто хочетъ ограбить мировой съѣздъ...

— Я предсѣдатель по закону, но на дѣлѣ я предоставилъ полную независимость губернскому присутствію — и знать не хочу всѣхъ этихъ мелочей.

— Какъ мелочей, помилуйте, ваше сіятельство!..

— Послушайте, согласитесь, что я хозяинъ у меня въ градоначальствѣ, такъ позвольте мнѣ

знать, что мелочь и что не есть мелочь; а учить меня никому не приходится. Очень можетъ быть, что ваше дѣло справедливо, жалуйтесь въ губернское присутствіе — вотъ вамъ и все.

И съ этими словами графъ вышелъ изъ кабинета въ приемную...

Въ великій четвергъ графъ къ Вѣрѣ Осиповнѣ не поѣхалъ.

За то графъ слушалъ 12 евангелій.

Во время прокимень: „князи людстїи собращася вкупѣ“, графъ подумалъ, неизвѣстно почему, о томъ, какъ онъ будетъ коротко и отчетливо высказывать свое мнѣніе въ государственномъ совѣтѣ.

При чтеніи евангелія, кода читалось о томъ, какъ Христа одѣвали въ багряницу, графъ, тоже неизвѣстно почему, думалъ о томъ, какъ онъ надѣнетъ на себя анненскую ленту; когда прочитаны были слова: „се чловѣкъ“, графъ подумалъ, что людей въ Россіи много, но великихъ, въ строгомъ смыслѣ слова, не много; а когда услышалъ слова: „что есть истина?“ графъ подумалъ: „какой странный вопросъ — въ сущности, какое кому дѣло до того, что есть истина?“

Другихъ впечатлѣній не послѣдовало.

Въ великую пятницу графъ зашелъ до церковной службы къ Вѣрѣ Осиповнѣ, и она его

отговорила ѣхать въ Петербургъ на Пасху, представивъ весьма основательно, что здѣсь, въ Камаринѣ, эффектъ отъ его награды будетъ сто разъ значительнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

Въ субботу, въ одиннадцать часовъ вечера графъ приготавлился къ заутрени.

Приготавлился онъ не безъ волненій, ибо приближался часъ, въ который, по его расчету, должна быть получена депеша о наградѣ.

Въ одиннадцать съ половиною графъ былъ одѣтъ и готовъ; всего болѣе готовымъ къ празднику было лицо его сіятельства, сіявшее особеннымъ свѣтомъ.

Полиціймейстеръ освѣтилъ подъѣздъ графа двумя десятками плашекъ и суетился у этого подъезда такъ, какъ никогда еще не суетился: благодаря ему, всѣ лавочники уже знали, что графа ждетъ награда необычайная, такъ что лавочникъ торговавшій керосиномъ говорилъ булочнику, въ девять часовъ вечера, что графа производятъ въ фельдмаршалы; булочникъ отнесся къ этому извѣстію съ равнодушіемъ.

— Что—депеша? крикнулъ полиціймейстеръ, увидавшій что то похожее на тѣнь телеграфиста.

— Депеша графу.

— Давай! Съ этими словами полиціймейстеръ выхватилъ депешу изъ рукъ телеграфиста, бросился въ сѣни, изъ сѣней по лѣстницѣ, и почти безъ дыханія, да и безъ доклада, долетѣлъ, на крыльяхъ вѣрнопреданнѣйшей радости, до самого графа и, долетѣвъ, подаль его сіятельству, докуривавшему сигару, депешу, — съ словами:

— Депеша вашему сіятельству изъ Петербурга, и затѣмъ обратилъ всю свою личность въ почтительное Z.

Графъ распечаталъ депешу, пока на ципочкахъ удалялся за дверь полиціймейстеръ.

— Подлость какая! вырвалось у графа, и онъ швырнулъ депешу.

Въ ней было сказано: „Представленіе не удалось, не унывай.

„Христось Воскресе“.

Графъ въ одинъ мигъ рѣшилъ, что ѣдетъ въ Петербургъ въ три часа ночи, съ ночнымъ поѣздомъ, подаетъ въ отставку, и дѣлается врагомъ этой страны, гдѣ не умѣютъ цѣнить такихъ людей, какъ онъ.

— Коляска готова—съ, пришелъ сказать камердинеръ.

— Не поѣду. Иванъ, черезъ три часа я ѣду въ Петербургъ: все уложить.

Лакей началъ объяснять графу, что это невозможно.. что нынче всѣ въ церковь идутъ, разгавливаніе приготовили на 100 персонъ...

— Что мнѣ за дѣло до вашихъ „Христось восресе“, пробормоталь гнѣвно графъ, и если бы въ эту минуту Россія была кусокъ бумаги, онъ ее разодраль бы на клочки и швырнулъ въ огонь....

— Такъ какъ-же прикажете? спросилъ Иванъ.

— Завтра поѣду.

— А откладывать прикажете?..

— Не надо. И графъ вышелъ изъ кабинета, чтобы отправиться въ соборъ.

Полиціймейстеръ понялъ въ чемъ дѣло и исчезъ, потому что въ такую минуту на глаза не слѣдуетъ попадаться тому, кто, какъ онъ, дерзнулъ отчасти быть виновникомъ неприятности — принесши депешу. Полиціймейстеръ вошелъ въ церковь, и сталъ молиться: „Господи, пошли графу награду“ — въ ту самую минуту, когда пѣвчіе запѣли „Воскресенія день“.

Графъ не слышалъ ни одного звука воскресной заутрени.

Онъ былъ въ Петербургѣ, въ тысячи мѣстахъ разомъ, и вездѣ спрашиваль: что это значить ? какъ, почему? немилость ли это или случайность? что ему дѣлать: выйти въ отставка или подождать? и всѣ эти вопросы кипѣли въ

немъ точно вода въ самоварѣ, а служба, возгласы, все это казалось ему нестерпимою мукою.

Заутреня начала подходить къ концу. Движеніе въ толпѣ.

Пропихивается полиціймейстеръ. Графу отдаетъ кто то (полиціймейстеръ дошелъ до предпоследняго ряда и дальше идти не посмѣлъ — не дай Богъ, что еще хуже) депешу. Графъ ее прочитываетъ.

„Всѣ награды отложены“.

На графа точно нашло наитіе свыше, онъ улыбнулся надеждою.

Въ этотъ мигъ въ первый разъ до него долетѣли звуки: „Пасха, двери райскій намъ отверзающая“. Графъ ихъ услышалъ, ему показалось, что двери райскія передъ нимъ отверзлись, и онъ перекрестился. Полиціймейстеръ тоже увидѣлъ свѣтъ и перекрестился, сказавъ: „услышалъ, видно, Богъ мою молитву“. — „Христось Воскресе“, сказалъ въ послѣдній обходъ заутрени архіерей.

– Воистинно воскресъ, отвѣтилъ въ первый разъ графъ, до этого четыре раза даже не слыжавшій этого возгласа....

Черезъ день графъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Кн. В. Мещерскій.

НОЧЬ ВЪ МОНПЛЕЗИРЪ.

На берегъ сходить ночь беззвучна и тепла,
Не видно кораблей изъ—за туманной дали,
И словно очи безъ числа
Надъ моремъ звѣзды замигали.
Ни шелеста въ деревьяхъ вѣковыхъ,
Ни звука голоса людского....
И кажется, что все навѣкъ уснуть готово
Въ объятіяхъ ночныхъ.
Но морю не до сна. Какимъ—то гнѣвомъ
полны,
Надменные, нахмуренныя волны
О берегъ бьются и стучать.
Чего—то требуетъ ихъ ропотъ непонятный,
Въ ихъ шумѣ съ ночью благодатной
Какой—то слышится разладъ.
Съ какимъ же ты гигантомъ въ спорѣ?
Чего же хочешь ты, бунтующее море,
Отъ бѣдныхъ жителей земныхъ?
Кому ты шлешь свои велѣнья,
И въ этотъ часъ, когда весь міръ затихъ,
Кто выдвинулъ мятежное волненье
Изъ нѣдръ невѣдомыхъ твоихъ?
Отвѣта нѣтъ... Громадою нестройной
Кипить и пѣнится вода...
Не такъ ли въ сердцѣ иногда,

Когда кругомъ все тихо и спокойно,
И ровно дышетъ грудь, и ясно блещетъ взоръ,
И весело звучитъ знакомый разговоръ,
Вдругъ поднимается нежданное волненье?
Зачѣмъ весь этотъ блескъ? Откуда этотъ
шумъ?

Что значить этихъ бурныхъ думъ
Неодолимое стремленье?
Не вспыхнулъ ли любви завѣтный огонекъ?
Предвѣстье—ль это близкаго ненастья,
Воспоминанье—ли утраченнаго счастья,
Иль въ сонной совѣсти проснувшійся
упрекъ, —

Кто можетъ это знать?... Но разумъ
понимаетъ,

Что въ сердцѣ есть у насъ такая глубина,
Куда и мысль не проникаетъ,
Откуда, какъ съ морскаго дна,
Могучимъ трепетомъ полна
Невѣдомая сила вылетаетъ,
И что—то смутно повторяетъ,
Какъ набѣжавшая волна.
18 іюля.

Б..

БИБЛИОГРАФІЯ.

Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія. «Вѣстникъ Европы». 1872. Октябрь, ноябрь и декабрь.

Типовъ, давайте намъ типовъ, въ литературѣ нашей нѣтъ типовъ, — вотъ слова, которыя чуть ли не каждый день приходится говорить, приходится и выслушивать всякій разъ, что рѣчь заходитъ о нашей современной беллетристикѣ.

И дѣйствительно, отсутствіе типовъ въ литературѣ есть одна изъ многихъ болѣзней нашей эпохи. Всѣ наши журналы изобилуютъ романами, повѣстями, рассказами; но за исключеніемъ такихъ капитальныхъ произведеній, какъ романъ гр. Толстаго, „Бѣсы”, Достоевскаго, „Соборянъ”, Лѣскова—Стебницкаго, много ли въ нихъ типовъ?

Все это статуи, изваянныя въ самыхъ замысловатыхъ позахъ, гдѣ недостаетъ одного: главной живой мысли, проникающей все произведеніе и объединяющей всѣ его составныя части.

Наши нынѣшніе авторы какъ будто не понимаютъ, что для созданія типа не надо, чтобы обстоятельства жизни ихъ героевъ и героинь были необыкновенныя, и что чѣмъ обыкновеннѣе жизнь, тѣмъ нагляднѣе и рельефнѣе могутъ выходить типы.

Въ чемъ заключается таинственная прелесть романовъ напимѣрь Диккенса? Не въ томъ ли, что каждый типъ, начиная отъ дѣтей и кончая стариками и старушками, какъ будто жилъ, живетъ и будетъ жить съ нами въ обстановкѣ каждаго дня? Почему романъ „Война и миръ” такъ глубоко впечатлеть и такъ богатъ типами? потому что каждое изъ лицъ этого романа, хотя и 12-го года, намъ сродни по душевной человѣческой жизни; событія, кругомъ которыхъ группируются эти личности, имѣютъ безспорно свой историческій интересъ, но не въ нихъ сила; сила сосредоточивается въ будничной, такъ сказать, жизни каждаго лица, и мы чувствуемъ, что не будь ни бородинскаго боя, ни 12-го года, не только князь Андрей, но самъ Кутузовъ сохранили бы для насъ ту же незъяснимую прелесть живѣйшаго интереса. Свѣжо еще въ насъ воспоминаніе объ отцѣ Савеліѣ «Соборянѣ». Эта убогая, по своему общественному значенію, но коллосальная по своему богатству внутренняго содержанія, личность священника, не приковываетъ ли она къ себѣ, не очаровываетъ ли она собою, именно потому, что типъ Туберозова — это жизнь, и опять—таки будничная жизнь, гдѣ извѣстныя необыкновенныя обстоятельства, проходящія чрезъ эту будничную жизнь, чуть—чуть только

усиливають колоритъ и освѣщеніе, но не создаютъ ничего новаго и не могутъ создать, ибо чтобы типъ былъ удаченъ, онъ долженъ слагаться изъ пережитаго всякимъ, авторомъ и читателями — будничнаго, такъ сказать, духовнаго матеріала.

Намъ говорятъ въ отвѣтъ: правда, типовъ нѣтъ, но знаете ли, почему ихъ нѣтъ? — потому что ихъ нѣтъ въ нашей современной жизни.

Трудно съ этимъ безусловно согласиться всякому, кто мало-мальски углублялся въ нѣдра нашей нынѣшней русской жизни.

Туберозовъ „Соборянь”, не есть ли это современный типъ съ значеніемъ высокохудожественнаго произведенія? Если это типъ, то одинъ уже этотъ фактъ доказываетъ, что въ нынѣшней нашей жизни типы есть.

Но здѣсь намъ хочется сказать другое еще по поводу вопроса о типахъ, и хочется въ особенности послѣ того, что прочитали первыя части романа „Алексѣй Слободинъ” въ послѣднихъ 3-хъ книжкахъ „Вѣстника Европы”.

Намъ кажется, что если въ нынѣшней литературѣ у насъ такъ много романовъ безъ типовъ, то главная причина тому заключается въ сознательномъ или безсознательномъ примѣненіи къ литературному творчеству предвзятыхъ идей

или такъ называемыхъ общественныхъ темъ къ разрѣшенію.

Прежде романъ былъ цѣлью созданія художника: теперь романъ сталъ средствомъ къ достиженію цѣли; а цѣль эта — проведеніе какой либо идеи или, всего чаще, какихъ либо идей. Отсюда необходимость создавать идеи изъ сопоставленія разныхъ такихъ обстоятельствъ, гдѣ герои могли бы говорить то что думаетъ авторъ и что онъ хочетъ навязать своимъ читателямъ. Все дѣлается искусственнымъ, ходульнымъ, натянутымъ, невѣроятнымъ, фальшивымъ, и читатель чувствуетъ, что въ такомъ романѣ все есть, кромѣ правды, изящества и типовъ.

„Алексѣй Слободинъ”, судя по первымъ его тремъ частямъ, есть нѣчто въ родѣ неудавшагося „Эмиля”.

Съ точностью опредѣлить главную мысль автора, руководившую его при созданіи этой личности, очень трудно; но вѣроятно мы не ошибемся, если скажемъ, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить внутренній разладъ личности, взятой изъ жизни, съ этою жизнью, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Но если такова была мысль автора, то надо признаться, что главная его ошибка заключается въ томъ, въ чемъ, напимѣрь, жестоко согрѣшилъ

господинъ Пыпинъ, въ свой роли судьи умственнаго движенія Россіи въ началѣ столѣтія, подходя къ личностямъ того времени и къ ихъ мыслямъ съ точки зрѣнія мыслителя того же столѣтія, но только нашего времени. Пыпинъ ставитъ въ упрекъ Карамзину то, что онъ не судилъ о французской революціи 1793 года такъ какъ онъ, Пыпинъ и ему подобные, ее судятъ въ 1869-мъ. Авторъ же „Алексѣя Слободина“ производитъ на свѣтъ своего героя въ двадцатыхъ годахъ, и слагаетъ его личность изъ такихъ нравственныхъ впечатлѣній и перипетій, которыя могутъ принадлежать только нашему времени: такъ что если бы въ первыхъ строкахъ романа не было сказано, что Алексѣй Слободинъ родился въ двадцатыхъ годахъ, вы могли бы его вообразить себѣ живущимъ въ нашъ вѣкъ отрицательнаго позитивизма и ни на чемъ не основанныхъ отрицаній.

Авторъ, очевидно, не знаетъ глубины той жизни, изъ которой беретъ своего героя пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

За незнаніемъ этой глубины, онъ остается на поверхности ея, и складываетъ ея обстановку изъ календарныхъ данныхъ. Въ то время было крѣпостное состояніе, было тѣлесное наказаніе розгами, была казнь плетью, были опредѣленнаго рода взяточники: на этихъ наружныхъ событіяхъ,

далеко не оригинальныхъ и не богатыхъ содержаніемъ, авторъ строить эпоху въ глуши Россіи, 50 лѣтъ назадъ, въ міръ чиновника, гдѣ родился Алексѣй Слободинъ и откуда, родившись, Алексѣй Слободинъ долженъ выйти, вѣроятно чтобы проходить черезъ все пятидесятилѣтіе носителемъ своего типа, своихъ идеаловъ, своего разлада съ жизнью и своихъ элементовъ борьбы.

Какъ пронесетъ онъ все это бремя, наложенное и имѣющее быть наложеннымъ на него авторомъ — неизвѣстно, ибо въ концѣ третьей части мы застаемъ героя всего только двадцати лѣтъ отъ роду.

Но пока мы знаемъ о немъ вотъ что: Алексѣй Слободинъ родился въ глуши провинціальной жизни, въ смѣси атмосферы уѣзднаго города и деревни, — отъ учителя и его любовницы — крестьянки, впоследствии сдѣлавшейся законною его матерью.

Какъ изъ такой среды въ то время выдвинуть и сдѣлать рельефнымъ типъ?

Вопросъ этотъ авторъ разрѣшаетъ очень просто.

Онъ думаетъ, что для этого одно только средство: взять своего Алешу Слободина и чуть ли не съ материнской груди ставить его ребромъ къ жизни. „C'est vieux, c'est use, mais c'est

toujours neuf”, какъ говорятъ французы, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы это средство было дѣйствительно единственное, и въ особенности достойное художника.

Четыре момента его детства образуютъ самобытную личность Алеши какъ дитяти и готовятъ изъ него юношу: первый моментъ — зрѣлище какъ сѣкутъ дѣтей въ училищѣ, второе — какъ плетью сѣкутъ женщину на площади; третье — воровство яблоковъ въ компаніи съ крестьянскимъ мальчикомъ, послѣ котораго крестьянскаго мальчика сѣкутъ, ибо онъ изъ мужиковъ, а его, Алешу, не сѣкутъ, ибо онъ изъ дворянъ, и четвертый моментъ — рассказъ дьячка семинариста о томъ, какъ его попъ за волосы дергаетъ.

Таковы главные моменты дѣтства Алеши Слободина. Сознаться, что въ нихъ можно узнать романиста 1873 года, но никакъ не историка 1830-го. И вотъ про это то дѣтство авторъ говоритъ, кончая свою первую часть: „а всеже оно (дѣтство) легло устойчивымъ балластомъ въ основу его характера и міровоззрѣнія, сдѣлало его сыномъ родной земли, глубоко способнымъ радоваться ея радостями, болѣть ея страданіями и чутко понимать ея кровныя нужды”.

Но затѣмъ далѣе идетъ апоѳеозъ.

„Но людямъ, прошедшимъ такую школу (хороша школа: отецъ — подъячій, мать безграмотная, но добрая крестьянка; учитель — дьячекъ семинаристъ, товарищъ — мужичекъ воришка, и кромѣ этого — никого и ничего), рѣдко удается возвратить милой родинѣ хоть зерно изъ той жатвы, которую она же въ нихъ посѣяла. Бросають зерна въ благодатную, всепринимающую русскую почву совсѣмъ другіе люди, выходящіе изъ совсѣмъ другой школы (и слава Богу), а эти — голытьба худородная — всегда почти кончаютъ скверно; (среда заѣдаетъ, надламываетъ и т. д. большинство ихъ тонетъ, захлебываясь мутными волнами мелкой повседневной жизни; порой нѣкоторые изъ нихъ этими же волнами выбрасываются на поверхность, но и тутъ они являются, какъ нарывъ, указывающій только на больное мѣсто общественнаго организма... Въ житейской толчеѣ они пропадаютъ бесполезно, безслѣдно, а часто и безславно... Правда изъ нихъ же (только не изъ Алексѣевъ Слободиныхъ) выходятъ подъ часъ и Ломоносовы, и Сперанскіе”...

Сколько десятковъ разъ вы читали и слышали въ эти десять лѣтъ точь въ точь тѣже фразы по поводу всего на свѣтѣ: эти крики кликушъ прогреса, кликушъ сыновъ вѣка, но никакъ не стиль художника—романиста.

Во второй части Алеша Слободинъ переѣзжаетъ съ папашею и мамашею въ губернской городъ, гдѣ происходитъ отрочество этого „захлебывающагося мутными волнами мелкой повседневной жизни” дѣтеля–бойца.

Здѣсь яляются два момента продолжающіе развитие его самобытности. Первый, — знакомство съ пьяницею семинаристомъ Сіонскимъ, который живетъ въ банѣ, съ запахомъ мыла и вѣшниковъ, пьетъ водку, читаетъ книги философіи и діалектики, въ разладѣ со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, и въ совокупности этой обстановки съ личными своими качествами является тѣмъ нравственнымъ существомъ, которое получаетъ огромное, глубокое и неотразимое вліяніе на Алексѣя Слободина. Онъ является его душѣ чѣмъ–то въ родѣ нравственнаго идеала, до того сильнаго, что второй моментъ его отроческой жизни — танцклассы у губернатора, куда Алеша попадаетъ какъ сынъ своего отца, уже сдѣлавшагося совѣтникомъ, и гдѣ онъ, Алеша, встрѣчается и съ учителемъ танцевъ — французомъ, и съ князьками, и съ разными аристократами губерніи, только что успѣваетъ на него подѣйствовать силою любви (Алеша влюбляется въ одну изъ аристократокъ), какъ вдругъ является передъ нимъ чудотворный образъ

Сіонскаго, къ концу второй части умирающаго отъ запоя и чахотки, и онъ весь пропитывается омерзѣніемъ къ аристократіи. Любовь къ дѣвушкѣ — Агатѣ ограничивается лишь тѣмъ, что Алеша, во время молебна въ семьѣ этой дѣвушки, уходитъ въ другую комнату, куда приходитъ и возлюбленная его случайно, прижимаетъ ее къ себѣ, нѣжно цалуетъ и затѣмъ убѣгаетъ изъ дому — отряхая прахъ этого дома отъ ногъ своихъ. Быль-ли этотъ эпизодъ побѣдою Эмиля надъ предразсудками свѣта, или торжествомъ духа ученика Сіонскаго надъ плотью — читатель догадаться не можетъ, ибо все, что онъ прочиталъ, произвело въ немъ какое-то странное впечатлѣніе: онъ не знаетъ, долженъ-ли онъ любить Алешу, или жалѣть его, или смѣяться надъ нимъ?

Третья часть переноситъ насъ въ Петербургъ.

Отецъ его, долго искавшій мѣста, умираетъ отъ бремени разныхъ разочарованій; тотъ мужичекъ, съ которымъ росъ Алеша оказывается воромъ, потомъ поступаетъ въ солдаты по найму, потомъ является симпатическимъ представителемъ великодушія и благодушія русскаго человѣка; Алеша облачается въ казенную форму домашняго учителя, а что дальше — неизвѣстно...

А пока — повторимъ только то, чѣмъ начали: типовъ нѣтъ, давайте намъ типовъ!

Исторія русской и всеобщей словесности.
Библиографическіе матеріалы. Составиль
В. И. Межовъ.

Имя В. И. Межова съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ себѣ правъ на общественное уваженіе и общественную благодарность за тѣ замѣчательные труды по библиографіи, которыми такъ настойчиво, такъ добросовѣстно онъ обогащаетъ нашу скудную, въ этомъ отношеніи, литературу.

Въ 1872 году, мѣсяца 3 назадъ, онъ подарилъ ей еще одно крупное произведеніе своей библиографической работы, въ видѣ большой книги въ 700 страницъ, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ расположены всѣ библиографическіе матеріалы, касающіеся литературы русской и словенской, западно-европейской, сѣверо-американской, классической и восточной, и появившіеся на русскомъ языкѣ за послѣдніе 16 лѣтъ, съ 1855–1870 годъ.

Книга эта — цѣлый почтенный трудъ, и по полнотѣ собранныхъ въ ней свѣдѣній, собранныхъ не только изъ книгъ, но изъ всѣхъ періодическихъ русскихъ изданій — заслуживаетъ вниманія, уваженія и сочувствія

всякаго, кто относится къ литературѣ съ мало-мальски серьезнымъ взглядомъ.

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ,
С. М. Соловьева, изданныя по распоряженію
юбилейной комиссіи московской
политехнической выставки и пр. Москва. 1872.
П+134.4°

Двѣнадцать чтеній на 118 страницахъ въ
четвертку и на остальныхъ университетская
юбилейная рѣчь о Петрѣ Великомъ извѣстнаго
нашего историка, С. М. Соловьева. Лучшая до
сихъ поръ книга для общаго ознакомленія съ
характеромъ лица и дѣятельности величайшаго
русскаго человѣка. Этотъ цѣнный вкладъ въ наше
общественное сознанье вызванъ ближайшимъ
образомъ недавнимъ двухсотлѣтнимъ юбилеемъ
Великаго Петра.

Азбука графа Л. Н. Толстаго. С.-Петербургъ.
1872. 4 книги. 8о. 1. (2+IV+186=) 192. 2.
(2+IV+158+2=) 166. 3. (2+IV+186=) 192. 4.
(2+IV+228=) 234. Цѣна каждой книги — 50 к. с.,
вмѣстѣ всѣ 4 книги — 2 руб. сер.

Извѣстный нашъ писатель, самъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроившій начальную школу и издававшій при ней педагогическій листокъ „Ясную Поляну”, составилъ теперь несомнѣнно—полезную книгу, строго—обдуманную и представляющую, говоря вообще, прекрасный выборъ для первоначальнаго чтенія и упражненій. Вопросъ о степени *практической* пригодности такихъ книгъ, конечно, всегда рѣшается самою практикою, самымъ фактомъ распространенія учебнаго пособия. Мы съ своей стороны желали бы книгъ всевозможнаго распространенія и живаго пользованія ею со стороны лицъ, которыя введутъ ее въ свой воспитательскій обиходъ. Выгодное отличіе этой книги отъ другихъ ей подобныхъ мы находимъ болѣе во внутреннихъ ея качествахъ, чѣмъ во внѣшней методикѣ, безспорно всегда имѣющей очень большое значеніе въ учебникѣ. Рѣшительныя достоинства книги мы полагаемъ: 1) въ общемъ ея характерѣ, держащемъ съ большимъ тактомъ счастливую середину между двумя крайностями, въ которыя легко впадаетъ составитель учебника: между методичностью преувеличенною, переходящею въ этомъ случаѣ въ безжизненный формализмъ, никому непригодный, и совершеннымъ пренебреженіемъ методики; 2) въ прекрасномъ вообще выборѣ

текста для чтенія, въ чемъ оказалась рука художника — обстоятельство неоцѣненное во всякомъ обученіи, тѣмъ болѣе въ первоначальномъ; и 3) во введеніи въ корпусъ книги выборки изъ древней нашей словесности, съ переводомъ на нынѣшній языкъ и необходимымъ поясненіемъ вымершихъ уже въ тепершнемъ языкѣ формъ, въ чемъ опять соблюдена надлежащая мѣра; добавка эта, при разумномъ употребленіи книги, можетъ оказаться весьма нелишнею. — Составъ учебника таковъ: каждая изъ 4-хъ книгъ заключаетъ въ себѣ по три части: 1) выборъ для чтенія, 2) выборъ древнихъ и библейскихъ текстовъ и 3) счетъ, т. е. арифметическую часть (въ 1 книгѣ впрочемъ четыре части, такъ какъ въ ней къ тремъ общимъ присоединена еще, въ видѣ первой части, элементарная азбучная); каждая книга заканчивается очень нелишними совѣтами „для учителя”, распределенными по частямъ каждой книги, а къ первой книгѣ присоединены еще „общія замѣчанія для учителя”; на послѣдней страницѣ каждой книги помѣчены *опечатки*, что очень важно для cadaго учебника. Количественное отношеніе частей во всѣхъ 4 книгахъ таково:

1 кн. азб. ч. 59 стр. II ч. — 44 стр. III ч. — 36 стр. IV ч. — 24 стр.

2 » » I ч. — 80 » II ч. — 52 » III ч. — 20 »

3 » » I ч. — 86 » II ч. — 53 » III ч. — 38 »

4 » » I ч. — 96 » II ч. — 77 » III ч. — 46 »

Въ виду будущихъ изданій книги, которыя, по нашему мнѣнію, по всѣмъ вѣроятіямъ понадобятся, считаемъ необходимыми слѣдующія улучшенія въ ней: 1) дополненіе выбора чтенія выдержками изъ классическихъ нашихъ писателей, начиная съ Пушкина (не знаемъ, почему составитель совершенно обошелъ этотъ превосходный матеріаль); 2) библейскіе отрывки поставить, въ видахъ учебной постепенности, прежде отрывковъ изъ лѣтописи и четій—миней, такъ какъ каждый знатокъ нашего древняго языка можетъ увѣрить составителя, что библейскій языкъ перевода (хотя бы и второй руки) съ семитическаго, безконечно проще *живаго* подлиннаго древне—русскаго языка, одного изъ высшей семьи *арійскихъ*; да это, и безъ такого противоположенія, всякій внимательный человѣкъ можетъ замѣтить; 3) въ корректурѣ, по возможности, уничтожить

опечатки; 4) въ видахъ распространенія самой книги возможно удешевить ее (нынѣшняя цѣна, повидимому, очень высока), тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ видѣ всѣ 4 книги значительно связаны между собою, такъ что приходится покупать если не всѣ 4, то ужъ непременно хоть двѣ первыя; и наконецъ 5) пополнить и отдѣлить въ особую книжку замѣчанія для учителя (при каждой ли книгѣ или для всѣхъ вмѣстѣ). Выскажемъ еще нѣсколько соображеній, не въ видѣ требованій, а въ видѣ нашихъ собственныхъ недоумѣній или вопросовъ. Изъ всего видно, что составитель пособія провелъ по всѣмъ 4 книгамъ начало постепенности. Такъ, въ виду самаго этого начала не слѣдовало ли бы древнiе отрывки перенести изъ первыхъ книгъ, если не исключительно въ послѣднюю книгу, то хотя въ двѣ послѣднiя, пополнивъ оставшееся тамъ мѣсто чтенiями нынѣшней живой русской рѣчи? Намъ кажется, это измѣненiе во всѣхъ отношенiяхъ улучшило бы только книгу. Затѣмъ въ сомнѣнiе вводитъ насъ существованiе въ 1 книгѣ и притомъ въ элементарномъ, начальномъ отдѣлѣ фонетическихъ упражненiй въ переходахъ звуковъ (стр. 31–59)! Какое напр. можетъ имѣть значенiе для начального обученiя грамоты такiя упражненiя: „Воронѣ соколомъ не быть (стр. 31); Мужъ глава, жена душа”, и т. д.! Смѣемъ увѣрить

почтеннаго составителя, что это дѣло совершенно не грамотности, а высшаго, филологическаго изложенія грамматики, и въ начальномъ обученіи лишь обременить и собѣть съ толку ученика! Да, это — рѣшительный грѣхъ противъ принципа, въ самой же книгѣ провозглашеннаго и вполнѣ намъ сочувственнаго: *ничего лишняго! все лишнее — прямой вредъ!* И такъ, напротивъ, заставляйте ученика произносить всѣ звуки совершенно отчетливо, хотя бы даже преувеличенно! Обыденный говоръ его сведеть дѣло на надлежащую мѣру. Наконецъ, при новомъ пересмотрѣ книги, слѣдуетъ подвергнуть тщательнѣйшей ревизіи отдѣлъ древняго языка, хотя вообще онъ очень удовлетворителенъ. Всевозможное улучшеніе однакожь этого самаго труднаго отдѣла весьма желательно, какъ въ редакціи текста и поясненій, такъ и въ переводѣ. Изъ рѣшительныхъ ошибокъ въ немъ мы отыскали лишь *одну*: И избраша ея три брата съ роды своими — вовсе не значить, какъ стоитъ въ переводѣ (кн. 1, стр. 117): И выбрались три *брати* съ родными своими, а, какъ переведеть каждый филологъ: И выбрались три *семьи* и т. д. Скажутъ, эта разница важна для историка и филолога; мы скажемъ: всякая ошибка — ошибка! и стоять ей, значить, не слѣдъ! — Довольно однакожь замѣчаній о мелочахъ! Въ

трудъ гр. Толстаго мы можемъ привѣтствовать одно изъ самыхъ цѣнныхъ явленій въ нашей учебной литературѣ!

Десять лѣтъ реформъ 1861–1871 г.
А. А. Головачева. С.–Петербургъ 1872 г.

Книга подъ выписаннымъ заглавіемъ представляетъ, за весьма незначительными измѣненіями или добавленіями, буквальную перепечатку статей, печатавшихся въ „Вѣстникъ Европы” съ февраля 1871 г. Въ этой книгѣ авторъ критически относится къ всѣмъ болѣе замѣчательнымъ, по его мнѣнію, реформамъ послѣдняго десятилѣтія (съ 1861 по 1871 г.). Приэтомъ авторъ смѣло отрицаетъ то значеніе, которое у насъ обыкновенно придавали, до сихъ поръ, этимъ реформамъ. Онъ говоритъ, что всѣ эти реформы не только не измѣнили нашего общества, не породили новыхъ началъ и потребностей въ нашей общественной жизни, „но какъ–то мало трогали наши крѣпостныя замашки, которыя остаются въ жизни попрежнему, и поражаютъ наблюдателя,” и что „сравнивая 1860 и 1870 годы” относительно нашей повальной общественной апатіи, „приходится убѣдиться, что общество наше не только не подвинулось

впередъ, но сдѣлало нѣсколько шаговъ назадъ”... Затѣмъ авторъ, по всей своей книгѣ, на 398 страницахъ убористаго шрифта, рассматривая реформы сами по себѣ, старается доказать, что всѣ реформы послѣдняго десятилѣтія, за исключеніемъ одной или двухъ, страдаютъ отсутствіемъ единства, недостаткомъ общихъ руководящихъ началъ, часто совершенно несогласны одна съ другою не только по духу и основнымъ своимъ началамъ, но иногда и противорѣчатъ одна другой въ частностяхъ и по буквальному смыслу отдѣльныхъ постановленій. Вслѣдствіе чего происходитъ то, что иногда одна реформа парализуетъ дѣйствіе другой въ практическомъ ихъ примѣненіи и, что еще хуже — нерѣдко на практикѣ достигаются результаты прямо противоположные тѣмъ, которые имѣлись въ виду законодательною властью, т. е., вмѣсто ожидаемой пользы, нѣкоторыя реформы приносили лишь вредъ. Наконецъ, авторъ доказываетъ что даже тѣ реформы, которыя составляютъ исключеніе изъ общаго правила, имъ выведеннаго, и которыя, повидимому, должны были бы внести въ русскую жизнь новыя высокія начала (какъ, на примѣръ, судебная реформа), какъ-то замедляются относительно повсемѣстнаго введенія ихъ и значительно искажаются тѣми властями, отъ которыхъ

зависитъ практическое примѣненіе ихъ, — что порождаетъ въ лучшей части нашего общества всевозможныя опасенія за цѣлость положенныхъ въ основаніе этихъ реформъ принциповъ...

Чрезвычайная важность какъ предмета разсматриваемаго нами сочиненія, такъ и самаго этого замѣчательнаго, во всякомъ случаѣ, труда г. Головачева заставляеть насъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе „Десяти лѣтъ реформъ”, въ ближайшихъ нумерахъ „Гражданина”.

Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Историческое изслѣдованіе. Томъ первый. (Религіи Востока). Архим. Хрисанѳа, ректора с.-петерб. дух. семинаріи. СПб. 1873.

Господствующая черта въ жизни современнаго русскаго общества — это отсутствіе идеальнаго элемента и исключительное преобладаніе узкихъ практическихъ интересовъ. При такомъ настроеніи нашего общества, послѣднее нуждается въ сильномъ моральномъ воздѣйствіи, которое пробуждало бы въ немъ стремленія идеальныя, духовныя. Казалось бы роль подобнаго возбуждителя въ средѣ нравственно усыпленнаго общества всего естественнѣе взять

на себя нашей духовной литературѣ, которая, по самой идеѣ своей, должна быть проводникомъ религіозно–нравственныхъ истинъ въ общественное сознание. Къ сожалѣнію, издаваемые у насъ журналы и книги духовно–нравственнаго содержанія мало отвѣчаютъ этому важному назначенію. Въ большинствѣ случаевъ, эти изданія преслѣдуютъ однѣ лишь спеціально–богословскія цѣли, не соображаясь съ потребностями читателей, которые, не будучи богословами, тѣмъ не менѣе желали бы имѣть твердыя убѣжденія въ томъ или другомъ вопросѣ изъ сферы богословія. Притомъ, во всѣхъ этихъ изданіяхъ преобладаетъ сухое, догматическое направленіе, превращающее богословскую науку въ сложную и сухую систему знанія, — что, при нынѣшнемъ повсемѣстномъ отвращеніи къ діалектикѣ, дѣлаетъ наши богословскія книги для мыслящихъ людей чѣмъ то *неудобочтлымъ*...

Книга, заглавіе которой мы выписали, знаменуетъ собою весьма благопріятный поворотъ въ направленіи нашей богословской литературы... Нашъ историкъ религій не слѣдуетъ примѣру прежнихъ писателей о языческихъ религіяхъ, которые занимались не изслѣдованіемъ религіозно–историческаго матеріала, а обличеніемъ „ложныхъ” религій, преслѣдуя исключительно полемическія цѣли и,

въ этихъ видахъ, стараясь пригонять факты къ заранѣе составленной теоріи. Почтенный архим. Хрисанъ стоитъ на высотѣ требованій современной истор. науки; для него важно не обличеніе языческихъ религій, — для него существенное значеніе имѣеть глубокой психологическій интересъ, лежащій въ основѣ религіозныхъ вѣрованій древности; это историкъ—мыслитель, для котораго самое главное — уразумѣніе смысла религіозныхъ явленій. Ненормальныя проявленія религіознаго сознанія, на его взглядъ, представляютъ предметъ интересный, прежде всего, въ психологическомъ отношеніи, какъ для фізіолога патологическія измѣненія въ организмъ... Авторъ всячески избѣгаетъ крайностей полемики, хотя и не упускаетъ изъ виду цѣлей полемическихъ, особенно въ виду попытокъ со стороны новѣйшихъ представителей пантеизма и матеріализма (каковы напр. Ренанъ и Фейербахъ), направленныхъ къ сопоставленію древнихъ языческихъ вѣрованій съ христіанскими взглядами. Но онъ считаетъ не нужнымъ какія бы то ни было искусственныя подпорки для поддержанія христіанства, какъ несовмѣстныя съ достоинствомъ послѣдняго. Чтобы опровергнуть то или другое раціоналистическое сужденіе, авторъ дѣйствуетъ чисто научнымъ орудіемъ —

анализомъ. Такимъ образомъ, на попытку, напр., Ренана привести въ родственную связь мораль христіанскую съ буддѣйскою — авторъ отвѣчаетъ подробнымъ анализомъ нравственныхъ принциповъ буддизма, — въ результатъ котораго (анализа) оказывается радикальная противоположность между христіанствомъ и буддизмомъ, между Христомъ и Шакіа-Муни... Къ этой общей характеристикѣ разсматриваемаго сочиненія слѣдуетъ прибавить еще одну черту: это художественность изложенія. Благодаря этой особенности талантливаго автора, религіи Востока представляютъ рядъ психологическихъ характеристикъ, малѣйшія подробности которыхъ запечатлѣваются въ умѣ читателя. Складъ рѣчи у автора аналитическій (какъ и складъ мышленія) даетъ автору возможность выражать тончайшіе оттѣнки мысли; изложеніе проникнуто энергіею и глубиною чувства... по мѣстамъ чувствуется даже присутствіе драматическаго элемента — плодъ глубокаго знанія человѣческой природы...

Мы увѣрены, что книга автора будетъ прочитана съ удовольствіемъ всѣми мыслящими людьми, въ которыхъ грубый утилитаризмъ не подавилъ интереса къ высочайшимъ проблемамъ человѣческаго ума.

Считаемъ долгомъ познакомить читателей, хотя въ сжатомъ видѣ, съ самымъ содержаніемъ этой замѣчательной книги.

Послѣ небольшого вступленія, въ которомъ показано значеніе вопроса о древнихъ языческихъ религіяхъ въ исторической и богословской наукѣ и положеніе этого вопроса на Западѣ Европы и у насъ, — авторъ изслѣдуетъ, въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ, слѣдующіе вопросы: 1) *Общій характеръ язычества и его виды*, гдѣ, послѣ общей характеристики язычества, представленъ точный анализъ всѣхъ ступеней религіозныхъ воззрѣній, пройденныхъ древнимъ человѣчествомъ. 2) *Первоначальный видъ религіи*. Здѣсь авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію весьма трудный и сложный (съ исторической и психологической точки зрѣнія) вопросъ о происхожденіи языческаго *политеизма*, совмѣстно съ вопросомъ о *происхожденіи религіи* вообще, — въ виду сужденій, высказываемыхъ мыслителями пантеистическаго и натуралистическаго направленія. 3) *Частнѣйшее разсмотрѣніе религіозныхъ системъ язычества. Планъ и порядокъ изслѣдованія*. Въ этомъ отдѣлѣ указываются недостатки существующихъ основаній для классификаціи религіозныхъ системъ язычества и приводится основаніе,

которому слѣдуетъ авторъ, т. е. классификація религій на основаніи ихъ содержанія. Затѣмъ 4) слѣдуетъ самое изложеніе религій древняго Востока въ послѣдовательности, соотвѣтствующей достоинству ихъ содержанія, — именно въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) религія Китая (самая безсодержательная изъ языческихъ религій); 2) секты въ Китаѣ и религія Японіи; 3) религія Индіи; 4) буддизмъ, и 5) религія Ирана или Зороастрова.

Мірѣ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ. Сочиненіе Н. Страхова. СПБ. 1872. XXVI+505. 8°.

Нѣмцы назвали бы эту книгу даэ *Wiäeenäwürdigäte auэ der Naturwiäeenächaft*; мы опредѣлили бы содержаніе книги названіемъ: *Мысли о главнѣйшихъ вопросахъ теоріи міра въ связи со всѣми вопросами знанія и жизни*. Книга дѣлится на двѣ части: въ первой содержится обзорнѣе проблемъ, представляемыхъ мысли органическимъ веществомъ; въ послѣдней — неорганическимъ, что авторъ совершенно справедливо считаетъ труднѣйшею для мысли частью. Отмѣтимъ главные отдѣлы сочиненія съ краткою помѣткой любопытнѣйшихъ вопросовъ и

положеній. „Часть первая. Органическая природа. Взглядъ на міръ, какъ на стройное цѣлое” (314 страницъ, слѣдовательно большая изъ двухъ частей! на послѣднюю приходится 190 страницъ). Первый отдѣлъ. „Письма объ органической жизни” (IX писемъ). „Высшая животность, какъ условіе духовности” (письмо I). „Современное господство матеріализма” (п. IV). „Развитіе, какъ совершенствованіе” (п. V). „Независимость свойствъ людей отъ внѣшнихъ вліяній” (п. VI). „Выводъ смерти изъ совершенствованія. — Быстрота смерти, какъ указаніе на ея смыслъ” (п. VII). „Неопредѣленность природы человѣка. — Онъ весь въ *возможности*. — Жизнь, какъ *самонедовольство*” (п. IX). Второй отдѣлъ. „Жители планетъ”. (VII главъ; исторія и смыслъ вопроса). „Жизнь другихъ людей и новый духъ наступающей эпохи должны утолять жажду *иной* жизни.” (п. VII). Третій отдѣлъ. „Птицы” (V главъ). „О пониманіи природы. — Три кита и система Коперника. — Невозможность популяризаціи” (гл. I). Четвертый отдѣлъ. „Чѣмъ отличается человѣкъ отъ животныхъ?” (II главы). „Часть вторая. Неорганическая природа. Критика механическаго взгляда. I. Объ атомистической теоріи вещества (критика теоріи атомовъ)” (V главъ). „Атомы недостаточны —

нужны еще силы” (гл. III). „II. Вещество по учению материалистовъ (критика теории силъ)”. (VII главъ). „Мы должны сами построить *систему* материализма” (гл. I). „Самодовольство ума. — Математика — лучший примѣръ одностороннихъ ученыхъ” (гл. II). „Особенность *вопроса* о пространствѣ и времени” (гл. IV). „Динамическая теорія вещества” (гл. VI). „Понятіе о Богѣ — *понятіе по преимуществу*”. (гл. VII). „III. О простыхъ тѣлахъ (критика теории элементовъ). Отдѣлъ первый. Исторія ученія о простыхъ тѣлахъ”. (VI главъ). „Отдѣлъ второй. Химія, освобождающаяся отъ метафизики”. (V главъ).

Замѣчательнѣйшій вкладъ въ интеллигентную или теоретическую сторону нашей русской образованности. Возможно полная оцѣнка этой книги, какъ по ея содержанію, такъ и по отношенію ея къ нашей современной образованности предполагаетъ въ оцѣниваемомъ высокое европейское образованіе и есть дѣло глубокой и обстоятельной критики. Библиографія же, имѣя существенною задачею занесеніе въ большей или меньшей полнотѣ выходящихъ книгъ и краткое указаніе на ихъ цѣнность, можетъ отмѣтить на своихъ столбцахъ лишь главные свойства названной книги. Авторъ ея стоитъ въ высотахъ и въ глубинахъ европейской

мысли, слѣдовательно неизмѣримо высоко надъ современнымъ состояніемъ нашей интеллигенціи. Любая изъ европейскихъ образованностей привѣтствовала бы книгу г. Страхова какъ одно изъ благороднѣйшихъ явленій мысли. Пишущій эти строки, имѣя уже за собою девять лѣтъ самаго неуклоннаго слѣдованія за движеніемъ европейской и русской образованностей, не можетъ назвать ни одной европейской книги, которая, въ общедоступной мыслящимъ людямъ формѣ, превосходила бы по высотѣ кругозора книгу г. Страхова; пишущій, не переставая и теперь учиться изъ этой книги и поддерживаться ею въ своихъ собственныхъ теоретическихъ выводахъ, почелъ бы себя счастливымъ, если бы, по окончаніи своего университетскаго курса, въ своихъ долгихъ поискахъ могъ онъ встрѣтиться съ подобною книгой, и поэтому обращаетъ на нее особенное вниманіе молодыхъ людей, находящихся въ концѣ высшаго учебнаго курса или уже кончившихъ его и чувствующихъ въ себѣ сильное влеченіе къ свободной, изслѣдующей и испытующей, т. е., научной мысли. Необыкновенная же простота и скромность изложенія, соединенная съ полною высотой и независимостью мысли и, какъ всегда, такъ и здѣсь, выходящая именно изъ этихъ свойствъ, дѣлаютъ это сочиненіе открытымъ и для всякаго

часть о челоѣка, получившаго общее образование и интересующагося высочайшими предметами мысли и жизни. Кто близко знакомъ съ новою европейскою интеллигенціей и наукой XIX вѣка, кто слѣдитъ и по отдѣльнымъ направленіямъ за глубочайшими ихъ теченіями, хотя бы, напр., въ философіи Лотце, въ гумбольдтовскомъ или теоретическомъ направленіи языкознанія, въ новой психологіи и генетической эстетикѣ, наконецъ въ судьбахъ естествовѣдныхъ теорій, тотъ безъ сомнѣнія обѣими руками подпишется подъ вышесказаннымъ и согласится съ нашимъ заключеніемъ, что книга „Міръ, какъ цѣлое” стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ на высотѣ общеевропейской мысли XIX вѣка, и есть ея необходимое и законное дитя. Для насъ притомъ, для русскихъ, эта книга представляетъ еще и ту неоцѣненную выгоду, что она есть *русская* книга, написанная *русскимъ* челоѣкомъ, другими словами, что она, будучи созданіемъ русскаго, по самой силѣ вещей, волей–неволей, съ вѣдома или безъ вѣдома автора, необходимо предполагаетъ и *русскую* публику, т. е., именно насъ, современныхъ русскихъ. Если обратимъ еще вниманіе на то, что книга писалась постепенно, печаталась отдѣльными опытами въ періодическихъ изданіяхъ въ продолженіе восьми

лѣтъ и теперь, вновь тщательно пересмотрѣнная, издана вновь въ своемъ цѣломъ и стройномъ видѣ, то передъ нами опять фактъ, имѣющій всегда величайшее значеніе для ясности всякаго сознанія, а научнаго въ особенности: у писателя была, значить, полная возможность не разъ провѣрить какъ смыслъ, такъ въ особенности и достаточность, мѣткость выраженія. Говоримъ: въ особенности форму выраженія, потому что, кому извѣстно, съ какою неотразимою, органическою необходимостію развивается въ изложеніи мысль, дошедшая до состоянія научности, тотъ согласится съ нами, что сама научная мысль весьма мало можетъ видоизмѣниться у мыслителя, тогда какъ выраженіе ея, и особенно общедоступное, допускаетъ множество возможностей. *Le étyle, c'est l'homme!* говаривалъ Бюффонъ, и передъ нами теперь одна изъ рѣдкихъ европейскихъ книгъ, къ которымъ во всей полнотѣ можетъ быть приложено это мѣткое и глубокое слово натуралиста! Въ самомъ дѣлѣ, высоко-образованный человѣкъ не можетъ быть непораженъ глубокою этическою основой въ книгѣ г. Страхова, отражающей и въ языкѣ его полнымъ спокойствіемъ силы и благородною простотой, за тридцать земель далекими отъ всякой тѣни забѣганія передъ кѣмъ или чѣмъ бы то ни было! Это равновѣсіе духа и высокое

достоинство всегда составляет завидный удѣлъ истинныхъ мыслителей — и какая это рѣдкость у насъ, особенно теперь. Тѣмъ, кому судьба дала дышать въ этой чистой и возвышенной сферѣ полного характера, мы рекомендуемъ, какъ высокое наслажденіе, чтеніе всего небольшого предисловія, составляющаго лучшую характеристику самаго сочиненія, и въ особенности (если еще можно отыскивать и „особенности“ въ этомъ маленькомъ образцѣ краснорѣчія мысли!) со страницы IX.

Мы уже рискуемъ выйти совершенно изъ предѣловъ библиографической характеристики, но не можемъ кончить, не указавъ на главный и для многихъ и многихъ невидный смыслъ книги! Этотъ смыслъ есть глубочайшее и послѣднее слово нашей многовѣковой европейской образованности, слово, ставшее особенно яснымъ со временъ Канта, слово, произнесенное еще за 18 вѣковъ до насъ и съ тѣхъ поръ подтвержденное жизнью и доказанное въ наши времена научнымъ сознаньемъ. *Наше познаніе, говоритъ это слово, вѣчно ограничено, а потому не воображайте, что вы въ состояніи измѣрить всю полноту существованія и жизни вашимъ познаніемъ! никогда не совпадутъ оны! Только въ навски для васъ поставленномъ тройственномъ союзѣ вашей мысли, чувства и воли можете вы*

надѣяться *стать въ истинное положеніе относительно вѣчной глубины существованія или, по крайней мѣрѣ, жизни!* Не ново! а изъ-за этого вѣчно бьется челоуѣчество! Далѣе, слѣдствіе изъ этой основной истины: *предметомъ самыхъ гордыхъ надеждъ нашего знанія всегда остается лишь внѣшній міръ, тогда какъ внутренній міръ, т. е. мы сами, вѣчно остается предметомъ нашей жизни, непосредственной для насъ очевидности и единственнымъ предметомъ всѣхъ нашихъ стремленій, возможное познаніе котораго есть самая высокая цѣль для нашей мысли, чувства и воли!* Отсюда наконецъ: *Не постиженіе внѣшняго міра, а именно постиженіе внутренняго, насъ самихъ, есть высочайшая цѣль какъ науки, такъ и всей образованности! не естествознаніе, а наука, о духъ (исторія)!* Вотъ оно — это величайшее слово высшей до сихъ поръ образованности, это *поворотное* слово, эта заря новаго періода мировой культуры, которой мы уже не увидимъ, но увидятъ потомки наши! И это великое слово о наукѣ будущаго, ясно уже нарисовавшейся своею программой въ высотахъ европейской образованности произносить среди насъ, среди нашего полнѣйшаго шатанья и растлѣнія, ученый, который по видимому особенно былъ бы

расположенъ къ дѣтски-сангвиническимъ бреднямъ матеріализма! Да, великое слово о томъ, что естествовѣдѣніе есть *только* переходъ къ наукѣ о духѣ, а не есть "исполненіе вѣковъ", это слово говоритъ намъ русскій математикъ и натуралистъ, магистръ зоологіи, мыслитель и публицистъ, *русскій* публицистъ, ех-ученый, миновавшій нашу мундирную ученость — и подъ словомъ его подпишутся величайшіе умы современной европейской образованности. Будущій историкъ русской образованности не пропуститъ имени Страхова.

ПОЛОЖЕНІЕ ПЕНСИОННАГО ДѢЛА ЗА ГРАНИЦЕЮ И У НАСЪ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ ПЕНСИЯМИ НА НАЧАЛАХЪ ВЗАИМНО-ПОЖИЗНЕННАГО СТРАХОВАНІЯ.

Необходимость обезпеченія пенсіями дальнѣйшей судьбы лицъ оставляющихъ государственную службу, признается всѣми правительствами иностранныхъ государствъ и расходъ на этотъ предметъ считается общимъ государственнымъ расходомъ (исключая Швеціи и Швейцаріи, гдѣ расходы на этотъ предметъ

падаютъ на особую кассу, получающую однакоже правительственное вспомошествованіе *).

Но признавая эту потребность, правительства сознають, что такимъ обезпеченіемъ могутъ воспользоваться только служащіе, удовлетворявшіе извѣстнымъ требованіямъ или увольняемые безъ ихъ вины, по особеннымъ соображеніямъ правительства. По этому покидающіе службу по собственному желанію, по судебному приговору или неудовлетворившіе требованіямъ закона, права на пенсію не имѣютъ.

Пенсіи опредѣляются вездѣ закономъ, устанавливающимъ условія, необходимыя для пріобрѣтенія правъ на оныя; но въ нѣкоторыхъ государствахъ допускаются, кромѣ законныхъ установленныхъ пенсій, еще пенсіи, зависящія отъ милости и благоусмотрѣнія верховной власти, которыя также впрочемъ во многихъ случаяхъ обусловливаются закономъ, какъ относительно общей суммы, такъ и размѣра отдѣльной пенсіи.

Условія, опредѣляющія права на пенсіи и размѣры оныхъ въ иностранныхъ государствахъ, завися отъ общихъ правъ государственной службы, весьма различны; ихъ можно раздѣлить на слѣдующія 7 категорій:

*) ε.οα ἰλ α 15 εἰοοο ἡλλ ὁ ἰ. Αἰτοἰο%αὔατ οὔ, ὁ οατο πἰ ἰ (U ο%ο ἰοο-ἡε-α οὔ, Α ε%αἰτοε ο ε ἰεἰεοα οὔ, ἰεἰἰοο, ἰοἰἰεο ε).

1-ю категорию составляет родъ службы и въ этой категоріи всѣ законодательства согласны между собою въ томъ, что только занятіе штатной должности, оплачиваемой государственной казной, даетъ право на пенсію; далѣе самая служба раздѣляется на гражданскую и военную съ подраздѣленіемъ должностей на высшія и низшія. Нѣкоторыя же законодательства отличаютъ въ первой еще дипломатическую и, такъ сказать, не канцелярскую службу (*service actif*, напр. въ Англии и Франціи).

2) Занимаемая должность имѣетъ вліяніе на размѣръ пенсіи въ нѣкоторыхъ государствахъ, и то только относительно военной службы, когда размѣръ пенсіи опредѣляется не получаемымъ содержаніемъ, а чиномъ. Также и занятіе высшихъ государственныхъ должностей имѣетъ вліяніе на пенсію, но совершенно противоположное, смотря по государствамъ и общему ихъ государственному строю. Такъ двухлѣтнее занятіе министерской должности въ Великобританіи даетъ право на пожизненную пенсію въ 2,000 ф. стерлинговъ; а занятіе таковой же должности во Франціи не даетъ права даже на общую гражданской службѣ пенсію.

3) Причины побуждающія служащаго покинуть службу имѣютъ во всѣхъ

законодательствахъ главнѣйшее вліяніе на пенсію. Выше мы сказали, что оставленіе службы по собственному желанію или по суду лишаютъ отставнаго всѣхъ правъ на пенсію. Остальныя причины могутъ быть раздѣлены на обыкновенныя и необыкновенныя; къ первымъ принадлежитъ достиженіе извѣстнаго возраста и прослуженіе извѣстнаго числа лѣтъ, ко вторымъ — болѣзни, увѣчья и раны, на службѣ или войнѣ полученныя.

4 и 5) Основнымъ началомъ, принимаемымъ всѣми законодательствами для опредѣленія пенсіи, есть число лѣтъ службы; но согласныя въ общемъ иностранныя законодательства расходятся въ примѣненіи этихъ началъ на практикѣ. Такъ на примѣръ: одни признають условіемъ для полученія правъ на службу одно число лѣтъ общей службы, другія, кромѣ того, достиженіе извѣстнаго возраста. Самое число требуемыхъ законодательствами служебныхъ лѣтъ весьма различно, простираясь отъ 2 до 50 лѣтъ, причемъ еще нѣкоторыя правительства раздѣляютъ служебныя годы для полученія пенсіи на извѣстные періоды, другія же каждому служебному году предоставляютъ особыя права на пенсію. Также различно опредѣленіе извѣстнаго возраста, дающаго право на пенсію и простирающееся отъ 55 до 70 лѣтъ.

6) Кромѣ вышеизложенныхъ причинъ, вліяющихъ на размѣръ пенсіи, многія законодательства опредѣляютъ еще высшій и низшій ихъ размѣры.

и 7) Въ основаніе для опредѣленія размѣра пенсій, кромѣ случаевъ указанныхъ выше, когда по военной службѣ пенсія назначается по чину, всѣ правительства принимаютъ получаемое на службѣ послѣднее содержаніе съ нѣкоторымъ различіемъ въ основномъ началѣ, т. е. одни принимаютъ только содержаніе послѣдняго года, другіе среднее содержаніе за извѣстный періодъ времени.

Пенсіи семействамъ служащихъ, не во всѣхъ государствахъ выплачиваются правительствами, а предоставляется это разнымъ кассамъ, основаннымъ на началахъ пожизненнаго страхованія.

Вездѣ расходы на выплачиваемыя правительствомъ пенсіи служащихъ пополняются до нѣкоторой степени вычетами изъ содержанія служащихъ: или единовременно при полученіи перваго содержанія и при увеличеніи онаго, или постоянно въ опредѣленномъ процентѣ съ содержанія, или въ размѣрѣ постепенно увеличивающемся, сообразно съ повышеніемъ содержанія.

Вотъ тѣ основныя начала, на которыхъ построены иностранныя законоположенія по обезпеченію пенсіями лицъ оставляющихъ государственную службу.

При этомъ государственные расходы на пенсіи по отношенію къ общимъ своимъ государственнымъ доходамъ чрезвычайно разнообразны. Вотъ какой процентъ своихъ доходовъ расходуетъ каждое изъ нижепоименованныхъ государствъ.

Италія	9,20 проц.
Данія	9,15
Баварія	9,09
Гессель–Дармштатъ	6,67
Испанія	5,72
Гановерь	5,60
Бадень	5,50
Пруссія	5,44
Саксень–Веймаръ	5,04
Вюртембергъ	4,57
Франція	4,30
Великобританія	4,22
Саксонія	4,06
Бельгія	2,60
Австрія	2,42
Щвецарія	0,80
С. Ам. Штаты	0,49
Нидерланды	0,04

Швеція 0,00

Расходъ же нашего государственнаго казначейства на пенсіи къ 1 іюля 1868 г. равнялся 17.370,300 р., что составляетъ 3,94 проц. государственнаго дохода, исчисленнаго по смѣтѣ 1867 г.

И такъ расходы на пенсіи въ большей части Европейскихъ государствъ значительнѣе чѣмъ въ Россіи, а между тѣмъ крайне быстрое и неправильное увеличеніе и этихъ расходовъ и незначительность самыхъ пенсій сравнительно съ окладами содержанія служащихъ, ясно показываютъ недостатокъ нынѣ дѣйствующаго пенсіоннаго устава. Такъ, на примѣръ, расходъ правительства на пенсіи въ 1828 г. былъ въ 2.895,536 руб. а къ 1-му іюля 1868 года возросъ до 17.370,300 р.

Самыя пенсіи до того незначительны, что составляютъ только $\frac{1}{6}$ часть всего содержанія, тогда какъ въ большей части европейскихъ государствъ пенсія за гражданскую службу гораздо значительнѣе: въ Австріи за 40 лѣтнюю службу обращается въ пенсію полное содержаніе, а за 30–35 лѣтнюю $\frac{3}{4}$ содержанія. Въ Пруссіи, наивысшая пенсія (за 50 лѣтъ службы) равняется $\frac{3}{4}$ содержанія, а за 20–35 лѣтнюю службу составляетъ $\frac{1}{2}$ содержанія.

Такое недостаточное обезпеченіе лицъ посвящающихъ свои силы государственной службѣ, сравнительно съ обезпеченіемъ пенсіями въ иностранныхъ государствахъ, зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ системы, на которой построенъ нашъ нынѣ дѣйствующій уставъ. Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ радикальными реформами по обезпеченію служащихъ пенсіями предполагаемыми комиссіей, учрежденной по Высочайшему повѣленію изъ депутатовъ разныхъ вѣдомствъ, бросимъ краткій взглядъ на исторію нашихъ законодательныхъ постановленій по сему предмету.

Русское правительство издавна озабочивалось обезпеченіемъ судьбы людей служившихъ ему безпорочно и оставлявшихъ службу по преклоннымъ лѣтамъ, болѣзнямъ или увѣчьямъ, и распространила эту заботу по смерти ихъ на оставшееся послѣ нихъ семейство.

Когда содержаніе оставлявшаго службу опредѣлялось владѣніемъ поземельнаго помѣстья, то часть его или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, все передалось во временное или вѣчное владѣніе семейства, оставшагося по смерти заслуженнаго служилаго человѣка.

Общихъ правилъ или положеній на такое обезпеченіе не существовало, все зависѣло отъ

милости царской; но изъ дошедшихъ до насъ случаевъ видно, что обыкновенно принимались при этомъ въ соображеніе слѣдующія условія:

а) Особья заслуги служившаго.

б) Недостаточность оставленныхъ имъ семейству средствъ существованія.

Первое законоположеніе для подобнаго обезпеченія было издано въ царствованіи Императора Петра 1-го и помѣщенное въ морскомъ уставѣ относилось преимущественно до однихъ морскихъ чиновъ.

Законодательство это важно въ томъ отношеніи, что оно въ главныхъ началахъ было примѣнено къ прочимъ отраслямъ государственной службы и съ незначительнымъ измѣненіемъ существовало до изданія пенсіоннаго устава 1827 года.

Разсмотримъ же его.

(Продолженіе будетъ).

ЖЕЛАНІЕ.

Въ нашей періодической печати давно, и очень давно ощущается весьма важный пробѣлъ,

отражающійся пробѣломъ и въ нашей общественной жизни.

Мы слишкомъ хорошо знаемъ все то, что у насъ есть дурнаго, мы слишкомъ хорошо умѣемъ смѣяться надъ всякимъ общественнымъ дѣятелемъ; мы слишкомъ строго умѣемъ быть судьями и обличителями всякаго кто намъ не по нраву.

Чуть ли не всѣ города нашего обширнаго отечества перебивали на страницахъ нашихъ газетныхъ лѣтописей скандала, и чуть ли не со всѣми этими городами мы только этими путями и роднимся. За то, увы, мы слишкомъ мало знаемъ о томъ что у насъ есть на Руси хорошаго, и слишкомъ мало выказываемъ сочувствія и поощренія всякому честному труженику.

Сколько разъ мы проходимъ мимо такихъ честныхъ бойцовъ, даже не замѣчая ихъ; сколько прекрасныхъ гражданскою доблестью и общественною пользою богатыхъ жизней уносить могила безслѣдно, безъ привѣта отъ этого общества, которому эти жизни были всецѣло и безкорыстно посвящены!

А между тѣмъ не сто ли разъ больше пользы можетъ принести обществу примѣръ доблести и прекрасной жизни, чѣмъ повѣсть о скандалахъ и безобразіяхъ, которыя мы такъ любимъ и

которыми, въ угоду нашему вкусу, такъ богаты наши газеты?

Разсказъ о прекрасной жизни, о доблестномъ подвигѣ — не есть ли, въ наше время сомнѣній и отрицаній, лучшее оружіе противъ всѣхъ нашихъ общественныхъ недуговъ? Если наши нигилисты, — мы разумѣемъ это слово въ широкомъ его значеніи, — такъ сильны, то не заключается ли ихъ сила между прочимъ въ томъ, что они имѣютъ право, указывая на изобиліе общественныхъ золъ и скандаловъ, печатаемыхъ въ нашей журналистикѣ, и на отсутствіе въ ней всякихъ примѣровъ хорошаго и прекраснаго, сказать: какъ же намъ не быть нигилистами, когда все у насъ хорошее такъ дурно, а все дурное такъ нравится?!

Исходя изъ мысли, что обнародованіе возможно большаго числа явленій изъ русской жизни, достойныхъ общественной симпатіи, и повѣстей о жизни такихъ людей, которые въ темныхъ углахъ Россіи посвящали себя служенію общества доблестно, но тайно, и со смертию коихъ въ памяти нѣсколькихъ людей остались воспоминанія объ этой доблести, — можетъ приносить пользу нашему обществу, мы искренно желали бы служить этой цѣли, и рады будемъ дать мѣсто всякому сообщенію, ей удовлетворяющему.

—
Премія будетъ выслана съ № 3.
—

**Типографія А. Траншея, Невскій пр. д. № 45.
Редакторъ—Издатель Ф. М. Достоевскій.**